Хмелёв А.Н.
"Крестьянская реформа 1861г."
Л., 1927.

ДБ
375
Х65

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ РАБОТЫ ПО ДАЛТОН-ПЛАНУ
(Лабораторный метод в применении к истории классовой борьбы)
под редакцией К. В. СИВКОВА

DБ
375
Х 65

А. Н. ХМЕЛЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1927

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Гостиный Двор (внутри), 123—125. Тел. 553-92.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ РАБОТ ПО ДАЛТОН-ПЛАНУ.

СЕРИЯ I.

Под редакцией И. С. СИМОНОВА.

1. **А. В. Голубев, Е. А. Сидорова и А. Ф. Уралова.** Обществоведение на II ступени Трудовой школы. *(Задания и их проработка).* Цена 90 коп.
2. **Н. К. Байкова, О. А. Дернова и Г. К. Дьяконов.** Русская литература на II ступени Трудовой школы. *(Задания и их проработка).* Ц. 55 к.
3. **С. П. Смирнов и Н. П. Населенко.** Естествознание и химия. *(Задания и их проработка).* Ц. 65 к.
4. **И. А. Сигов.** Задания по математике и физике.
5. **М. Г**
по

Лабор

1. **М. М** ии.
(Ис ка).
Цен
2. **А. Н** да.
Цен
3. **И. Ч** ый
стр

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ РАБОТЫ ПО ДАЛТОН-ПЛАНУ
(Лабораторный метод в применении к истории классовой борьбы)
под редакцией К. В. СИВКОВА

А. Н. ХМЕЛЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

1383/3

ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1927

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.
Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 19627.
Тираж 4000 —6 л. Заказ № 3446.
1926 г.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 129612

ОТ РЕДАКЦИИ.

Серия книжек под общим заглавием: „Рабочая библиотека по Далтон-плану“ обязана своим происхождением тем затруднениям, с которыми встретилась группа преподавателей Рабфака имени Бухарина в Москве при подборе литературы, пригодной для слушателей Рабфака в проработке курса истории классовой борьбы. Оказалось, что нет никаких книг, которые коротко и просто излагали бы исторический материал в наиболее важных темах курса.

Правда, в последнее время выходит много различных хрестоматий по истории классовой борьбы в России и в Западной Европе. Кроме статистического материала и документов эпохи, они содержат по большей части выдержки из работ Покровского, Рожкова, Туган-Барановского, Маркса, Энгельса, Ленина и др.,—выдержки, интересные и содержательные, но написанные подчас недоступным для малоподготовленного читателя языком и несвязанные одна с другою общей нитью. А между тем, всякое непонятное слово, несовсем оправданный переход мысли представляют для такого читателя огромные трудности. Кроме того, эти книги неудобны своими размерами, давая материал на нескольких сотнях страниц, а иногда и не в одном томе, в то время как важно выбрать немногое, наиболее существенное, чтобы не перегружать читателя. Выбор соответственного материала из этих книг весьма труден. Приходится выбирать несколько отрывков, выбрасывая остальное, как балласт, хотя бы там и был вкраплен ценный материал.

Наши книжки идут другим путем. Мы в основу кладем цельную, самостоятельную статью, по возможности избегая слов и выражений, которые могли бы составить препятствие в работе, или же об'ясняя такие слова. В статью вкраплены в небольшом количестве материалы, статистические данные, выборки из современников, которые должны давать более отчетливое представление о тех моментах, которые затронуты в статье. Книжки рассчитаны на читателя, ищущего серьезного содержания, но в незамысловатой форме.

ОТ АВТОРА.

Содержание данной книжки шире, чем ее заглавие. Крестьянская реформа 1861 года поставлена в центре, как один из основных этапов русской истории. Первая часть книжки, об‘ясняя происхождение реформы, дает в сущности характеристику социально-экономического и политического строя Николаевской эпохи; третья же часть, характеризуя последствия реформы, рисует пореформенную жизнь России приблизительно до конца 70-х годов. Итак, охватывается жизнь России почти за полстолетия с концентрацией материала около крестьянской реформы.

Вопросы.

Работа над материалом этой книги должна в результате дать понятие о том, чем была вызвана необходимость проведения крестьянской реформы, почему она была проведена именно так, а не иначе, и по какому пути она в дальнейшем направила экономическую жизнь России и отдельных групп ее населения.

Материал естественно распадается на 3 части: 1) предпосылки реформы, 2) самая реформа и 3) ее последствия. Они и прорабатываются одна за другой.

I. Предпосылки реформы.

1. Из каких фактов можно заключить о росте торгового и промышленного капитализма в России в 1-й половине XIX века?

2. Почему тогда особенно развилось текстильное производство, и вытесняла ли в этой области фабрика кустарей?

3. Какое место занимал на фабриках принудительный и вольнонаемный труд и почему фабриканты тяготились крепостным правом?

4. Чем об‘ясняется кризис барщинного хозяйства к середине XIX века?

5. Какие новые формы ведения хозяйства начали применяться в помещичьих имениях перед реформой?

6. Какие выходы видели помещики из создавшегося для них тяжелого положения?

7. Как выражалось недовольство крестьян своим положением и влияло ли это на правительство?

8. Почему правительство боялось приступить к реформе и какую роль сыграла неудачная Крымская война в его решении начать реформу?

II. Реформа 1861 г.

1. В чьих руках находилось дело освобождения крестьян?

2. Какие группировки можно наметить среди помещиков по вопросу об освобождении крестьян и чем определялись настроения каждой группы?

3. Почему крестьяне были освобождены с землей?

4. Много ли крестьян получили землю и какими приемами достигалось их обезземеливание?

5. Какие повинности лежали на „освобожденных“ крестьянах по отношению к помещикам и все ли крестьяне равномерно их несли?

6. Много ли крестьяне переплатили за землю? За что они собственно переплачивали?

7. Какие стеснения в правах лежали на „освобожденных“ крестьянах?

8. Как крестьяне приняли „волю“?

III. Последствия реформы.

1. Почему помещики стали распродавать свои земли после реформы?

2. Что заставляло крестьян брать у помещиков землю и на каких условиях они ее брали?

3. Какие изменения в хлебный рынок внесло появление на нем крестьянского хлеба?

4. Как происходила пролетаризация крестьянства после 1861 г.?

5. Почему в первое время после реформы замедлилось развитие промышленности?

6. Как создавалась железнодорожная сеть и какую роль она играла в развитии народного хозяйства?

7. Какую связь имели с реформой 1861 г. другие реформы 60-х и 70-х годов? Каковы основные принципы главных из этих реформ?

Темы для работ общего характера:

1. Чем была вызвана необходимость крестьянской реформы?

2. Какие главные изменения в хозяйственной жизни России вытекали из крестьянской реформы?

I. Предпосылки реформы.

В первой половине XIX века в России быстрыми шагами развивается капитализм: деньги, торговля, работа на рынок занимают в жизни страны и отдельных ее жителей такое место, какого раньше никогда не имели. В это именно время Россия делается страной, поставляющей на заграничные рынки в большом количестве хлеб. По мере того, как западно-европейские государства развиваются экономически, по мере того, как растет их обрабатывающая промышленность, увеличивается их городское население, потребляющее продукты сельского хозяйства, производящего их—в Западной Европе обнаруживается все большая потребность в привозном хлебе. А так как буржуазные группы все более прочно занимают там руководящее положение в правительстве, то они ломают те препятствия, которые ставила прежде земледельческая знать ввозу чужого хлеба, конкурировавшего с ее хлебом.

В данном отношении исключительное значение имеет отмена ограничительных „хлебных законов“ в Англии, происшедшая в 1846 г. Эти законы запрещали ввоз в Англию привозного хлеба, пока цена на него в самой Англии стояла ниже определенного, очень высокого уровня. Если же в Англии был неурожай и цена на хлеб уж очень подымалась, то разрешался ввоз хлеба, но при условии обложения его высокими пошлинами. Теперь этот закон был уничтожен, и ввоз в Англию хлеба делается свободным. После этого русский хлеб получает прочный рынок и вывоз его подымается, составляя одновременно все больший % всего русского вывоза.

Хлеб в 1800—1845 г.г. равнялся по ценности 15—16% всего вывоза, а в 1846—1860 г.г.—30—35%.

Проследите по нижеприведенным данным, как влияли на русскую торговлю хлебом следующие события: континентальная блокада, т.-е. отказ торговать с Англией, об‘явленный в 1807 г., падение континентальной блокады в 1814 году, отмена хлебных законов в Англии в 1846 г., а впоследствии—падение крепостного права в 1861 г.

Ежегодный вывоз четырех главных хлебов в миллионах пудов.

	Г	О		Д		Ы.	
	1806—1810	1816—1820	1826—1830	1836—1840	1846—1850	1856—1860	1866—1870
В среднем	5,1	29,7	24,0	28,8	51,2	69,3	120,0

(По диаграммам в изд. Главполитпросвета).

Какие выводы из этих цифр можно сделать?

Главными пунктами вывоза хлеба из России в первой половине XIX в. сделались порты Черного моря—Одесса и Таганрог, расположенные близко к черноземному краю, где производилась пшеница. Они вывозили до 62% всего отправляемого заграницу хлеба.

Рядом с вывозом хлеба растет и вывоз других товаров: леса, сала, кожи, льна, пеньки, железа. В ответ Западная Европа посылает в Россию шерстяные, бумажные, шелковые изделия, отчасти машины и др. фабрикаты. В 1850 году машин было привезено на 2.221 тысячу руб., тогда как за 30 лет перед тем соответствующая цифра была ничтожна, не больше 10 тысяч. Ввоз шерстяных изделий повысился еще больше: с 1,5 тысяч рублей в 1815 г., до 2.039 тысяч в 1850 г.

Росла и внутренняя торговля. Появился внутренний рынок. Отходят в область преданий те имения полуфеодального типа, где крестьяне всецело обслуживали и самих себя и своего барина с его дворней. Домотканное полотно, холстина, грубое сукно перестают удовлетворять и барина и его крепостных. Сильно подешевевший ситец, фабричное тонкое сукно широко раскупаются в стране. Становятся прочно на ноги фабрики, работающие на рынок: суконные, полотняные, шелковые, бумажные. И продукция этих фабрик, расположенных в центральных губерниях, расходится по всей южной и восточной России, а взамен—юг посылает в центр хлеб, шерсть, а восток—скот, железо. Между отдельными частями государства намечается определенное разделение труда, и это торговое оживление усиливается, когда в 50-х годах пошли первые поезда между Петербургом и Москвой, первые пароходы по Волге, Днепру и другим большим рекам. Вся страна начинает связываться крепкими нитями и составлять единую экономическую систему, в которой одна часть нуждается в продуктах и богатствах другой.

Совершенно очевидно, что денежное хозяйство прочно устанавливается в России. Развитие торговли связано с мощным под'емом русской промышленности. Мы имеем, действительно, ряд данных, говорящих об этом под'еме. Мы видим, что правительство императора Николая I направляет центр внимания своей внешней политики на восток, в страны малой культуры, с неразвитой промышленностью.

Турция, Персия, Афганистан, Средняя Азия — вот какие места интересуют русское правительство, вот куда направляются русские солдаты. И явная цель этой восточной военной политики — получить для русской промышленности рынок, так как Россия с ее крепостным населением, эксплуатируемым помещиками и живущим в нищете, была все же плохим потребителем товаров, производимых на русских фабриках. Поневоле надо было думать о том, чтобы внутренний рынок заменить внешним. И войны с Персией и Турцией в царствование императора Николая I кончаются договорами, которые освобождают там русские товары от всяких внутренних пошлин, ставят русских в положение наиболее благоприятствуемой нации. Дело вообще шло об установлении на востоке русского промышленного протекционизма, т.-е. о свободном, беспошлинном распространении русских фабрикатов в этих странах. И, действительно, вся торговля в Персии некоторое время, была всецело в русских руках.

Рост русской промышленности, которая так настойчиво искала себе внешнего рынка, характеризуется следующими цифрами: за 50 лет после 1800 г. количество перерабатываемого хлопка возрасло в 16 раз, выплавка чугуна поднялась вдвое. За тридцать пять лет, 1815—1850 г.г., число фабрик в России увеличилось с 4.189 до 9.848, количество занятых в них рабочих с 172 до 501 тысяч человек. В 1802 г. был основан первый свекло-сахарный завод (это дело было новинкой в то время и на Западе), а в 1845 г. их было уже 206 с производством в 484 тыс. пудов, а еще через 3 года производство поднялось до 900 тыс. пудов в год, заводов же стало 340. Такой мощный под‘ем этого дела знаменовал собою развитие соответствующих отраслей сельского хозяйства.

Первая половина XIX века характеризуется больше всего страшно быстрым ростом хлопчатобумажного производства. Пряжа получалась сначала из Англии, так как оборудование бумагопрядильных фабрик в России было делом трудным и дорогим, английская же пряжа была очень дешева, и цена на нее все падала в связи с вводимыми в Англии усовершенствованиями в производстве, и только, когда был разрешен вывоз машин из Англии—у нас начинают оборудоваться собственные бумагопрядильни.

Проследите, как изменялся ввоз хлопка и пряжи по пятилетиям, равномерно ли шло изменение цифр ввоза того и другого товара, и когда был переломный момент, резко изменивший соотношение этих товаров? Составьте по приводимым цифрам диаграмму:

Средний ежегодный ввоз в Россию хлопка и пряжи
(в десятках тысяч пудов).

	Годы.									
	1812—1815	1816—1820	1821—1825	1825—1830	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855	1856—1860
Хлопка	5	5	7	10	15	32	53	112	167	262
Бумажной пряжи	12	19	23	43	56	59	59	35	12	21

(Туган-Барановский.—„История русской фабрики“, гл. I).

Бумажные ткани делались самым дешевым и самым распространенным материалом одежды. Россия втягивалась в круг капиталистического развития Англии, и успехи, которые техника делала там, немедленно отражались в России. В 1822 г. у нас был введен покровительственный тариф, т.-е., другими словами, правительство облагало большими пошлинами английские ткани при ввозе их в Россию, что удорожало их цену в России и заставляло Англию ввозить не ситец или миткаль, а пряжу для их выработки, ввоз которой был свободен.

Так государство поддерживало русское бумаготкацкое производство.

В 40-х годах быстро растет также и бумагопрядение, и к началу 1850 г. по числу веретен Россия занимает 5-е место, стоя даже впереди Германии. В этот период образуются уже настоящие мануфактурные города. Тип такого производственного центра представляло из себя село Иваново. Прочтите описание с. Иванова и выясните характерные черты в организации крупного текстильного производства того времени.

Село Иваново в 1840-х годах.

Село Иваново, отстоящее от города Шуи на 30 верст, с слободами, примыкающими к нему, представляет вид большого мануфактурного города, после недавнего пожара обстроенного весьма правильно, с широкими и чистыми улицами, на коих возвышаются красные каменные дома и многоэтажные фабричные здания. Село это есть собственность графа Шереметева, Д. Н. Церквей здесь 7, из коих 1 деревянная и 6 каменных. Домов фабричных, светелок и кладовых-палаток каменных более 300, а всего каменных и деревянных домов до 1600. Жителей обоего пола около 6000, в том числе полагается более 60 человек купцов.

Промышленная известность села Иванова начинается с XVIII столетия...

С 1751 г. начали заводить ткацкие полотняные фабрики, и первые подали в том пример крестьяне Грачев и Гарелин. Эти фабрики по прошествии 25 лет послужили в 1776 г. основанием ситцевой фабрикации. Некоторые из Ивановских крестьян бывшие в Шлиссельбурге на фабрике, принадлежавшей иностранцам, умели узнать секрет соста вления красок и обработку ситца и, возвратясь на работу, начали работать ситцы сперва по холсту, потом по миткалям, выработанными в самом селе Иванове из бухарской бумажной пряжи и, наконец, по английским миткалям. С 1803 г. начали работать миткаль из тонкой английской бумажной пряжи и по нем работать ситцы. Разорение Москвы французами в 1812 г. и падение там ситцевых фабрик дали новую жизнь Иванову. С этой великой эпохи начинается быстрое его возрождение. В течение последних 30 лет село Иваново достигло нынешнего цветущего состояния, которое ручается за большее еще преуспеяние его в будущем.

Ныне (т.-е. в середине XIX в.), в селе Иванове находится фабрик ситцевых: больших 20, средних 40, меньших до 60—всего до 130. На них вырабатывается в год ситца и платков до миллиона штук. В общем числе хлопчато-бумажных фабрик 63 принадлежат крестьянам. Лучшие же составляют собственность купцов, прежде бывших крестьян Шереметева.

Важнейшими фабрикантами почитаются: Бабурины, выделывающие от 50 до 60 тысяч, Полушин и Зубков — более 70.000 и братья Гарелины—до 130.000 штук ситца. Фабрика младшего Гарелина, недавно устроенная, есть первое заведение в этом роде: она действует посредством превосходной паровой машины, выписанной из Англии. Кроме ситцевых фабрик находятся здесь и другие различные заведения: химический завод, на коем вырабатывается купоросное масло, квасцы и разные соли и кислоты; чугунно- и медно-литейные заводы, на которых отливаются разные вещи, нужные для фабрик; заведение для гравирования медных цилиндров, делания машин и проч.

Некоторые фабрики находятся в самом селе Иванове или в окрестностях—на землях владельческих, другие же в прилежащих слободах на землях, купленных купцами в вечную собственность. Эти слободы составляют как бы предместья Иванова и, отстоя от него на $^1/_2$ версты и на версту—не более, образуют беспрерывный ряд фабричных учреждений, в которых с утра до вечера не перестает движение и деятельность. Не без основания ивановцы величают село свое русским Манчестером. Здесь приготовляется ежегодно изделий фабричных, по скромному признанию самих фабрикантов, на сумму до 8.000.000 руб. серебром.

Первоначальным процессом фабрикации хлопчато-бумажной, т.-е. тканьем миткаля, в самом селе Иванове ныне занимаются весьма мало. Бумажная основа раздается по деревням крестьянам в уездах Шуйском, Вязниковском, Ковровском, Суздальском и Юрьевском и в Костромской губернии по уездам Нерехтскому, Кинешемскому и Юрьевецкому. Жители этих уездов, получая за работу задельную плату, содержат тем преимущественно свои семейства и благоденствуют. Можно сказать утвердительно, что одно село Иваново питает более 50.000 человек окрестного народа; даже малолетние обоего пола от 8—12 лет получают значительные заработки от фабрик.

Изделия Ивановских фабрик развозятся и распродаются на всех больших ярмарках—особенно же на Нижегородской и Ирбитской, также в Москве. Сбыт производится и в самом селе Иванове. Здесь 14 сентября бывает ярмарка и продолжается неделю; впрочем—она незначительна. Гораздо важнее для жителей еженедельные базары, по понедельникам и четвергам производящиеся. С октября по апрель бывают сильные базары—такие, что на некоторых продается бумаги и миткалей на сумму до 90.000 руб. серебром.

Фабриканты Ивановские получают хлопчатую бумагу и все вообще как русские, так и иностранные материалы, служащие к обработке ситцев, из Москвы и из Петербурга. Фабриканты и купцы Ивановские, пуская в оборот огромные капиталы, ведут большую переписку со всеми торговыми и промышленными городами Империи.

(„Журнал Мин. Внутр. Дел". 1844 г. июль, стр. 132).

Развитие хлопчато-бумажной промышленности наносило смертельные удары полотняному производству; бумажные ткани, более дешевые, стали вытеснять из употребления полотняные. Купец-фабрикант одерживал победы над помещиком, изготовлявшим тонкие полотна руками своих крепостных. Все попытки правительства прийти помещикам на помощь не могли увенчаться успехом.

Экономическое развитие России вело ее по пути капитализма. Путь этот, однако, был не прямой, а направлялся целым рядом местных условий. Любопытно рассмотреть таблицу, показывающую количество фабрик и заводов в России и выяснить по ней — укрупнялось или мельчало прозводство в России. Таблица указывает на определенный

Фабрики и заводы Российской империи (без Польши и Финляндии).

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фабр. рабочих.	Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фабр. рабочих.
1815 . .	4.189	172.882	41	1840 . .	6.863	435.788	63
1820 . .	4.578	179.610	39	1845 . .	8.302	507.577	61
1825 . .	5.261	210.658	40	1850 . .	9.848	501.639	51
1830 . .	5.450	253.893	47	1856 . .	11.556	518.661	45
1836 . .	6.332	324.263	51	1861 . .	14.148	522.500	37

(Туган-Барановский.—„Русская фабрика", гл. I).

перелом в 40-х годах [1]. Чем его можно об'яснить? Дело в том, что с ростом бумаготкацкого производства фабриканты, в стремлении еще расширить его стали раздавать пряжу крестьянам на дом. Крестьяне, усвоив простую технику работы, стали покупать самостоятельно готовую пряжу и самостоятельно вести мелкое ткацкое производство. Дешевое кустарное производство стало подрывать крупное фабричное бумаготкачество. Да и вообще в текстильной промышленности кустарный промысел растет и успешно конкурирует с фабрикой в первой половине XIX века. Значение кустарного производства характеризуют такие, напр., цифры: в Шуйском уезде на фабриках было 1.200 станков, в избах 2.000, во всей Владимирской губернии на фабриках 18.000 станков, в избах 80.000. Жалобы фабрикантов на это не встречали сочувственного отклика в правительстве: оно поддерживало интересы дворян, крепостные крестьяне которых хорошо зарабатывали в кустарных промыслах и могли платить помещику большие оброки. Из следующей таблицы вы увидите как бы противоречие, на первый взгляд, что увеличение бумаготкацкого производства сопровождалось уменьшением числа рабочих. Прочтите дальше, как об'ясняет это явление Туган-Барановский (см. табл.).

Низкий уровень техники фабричного производства способствовал разложению его на кустарные промыслы. Надо, впрочем, сказать, что эта видимая задержка роста крупного производства

---

[1] Вычертите диаграмму на основании цифр этой таблицы.

	1836 г.	1852 г.	1857 г.
Число рабочих на бумаго-ткацких фабриках	94.751	81.454	75.517
Ввоз хлопка и бумажн. произв. в тысячах пудов	865	1.960	2.768

> Так как техника качества в это время не прогрессировала значительно (переход от ручного к машинному ткачеству совершился позже), то сокращение числа рабочих на фабриках несомненно доказывает раздробление производства, терявшего фабричный характер и переходившего в кустарную избу и светелку.
>
> (Туган-Барановский.—„Русская фабрика“, стр. 231).

в значительной степени лишь кажущаяся, так как масса кустарей фактически зависела от крупных фабрикантов.

Если крупное производство развивалось медленнее, чем оно могло бы, то это об‘ясняется больше всего существованием крепостного права. В первой половине XIX века на фабриках работали частью крепостные, частью вольнонаемные рабочие, при этом по таблице можно проследить, что в одних производствах преобладал крепостной, в других—вольнонаемный труд.

Выясните, в каких, именно, производствах каким трудом больше пользовались в 1825 г.?

Распределение рабочих несвободных и вольнонаемных по отдельным производствам в 1828 г.

ПРОИЗВОДСТВО.	Всего рабочих.	Из них помещичьих.	Поссессионных (фабр. крепостных)	Вольнонаемных.
Суконное	63.603	35.583	13.315	14.785
Стальное, игольное, чугунное	22.140	14.820	2.650	4.670
Полотняное	26.832	1.483	6.629	18.720
Писчей бумаги	8.272	3.350	2.903	2.019
Бумажных материй	47.021	247	2.239	44.535
Шелковых „	10.204	658	1.055	8.491
Кожевенное	8.001	539	32	7.430
Канатное	2.503	107	33	2.363
На всех фабриках	210.568	66.725	29.328	114.515
В %	100%	32%	14%	54%

(Туган-Барановский—„Русская фабрика“, стр. 85).

Итак, на значительной части фабрик еще держался крепостной труд. Частью это были дворянские фабрики, на которых помещики вели работу при помощи своих крепостных крестьян; частью купеческие фабрики, где работали, так называемые, поссессионные рабочие, принадлежавшие фабрике. Поскольку фабрикант не имел права изменить характер и размеры производства, не мог перевести рабочих на другую работу или избавиться от них, купеческая поссессионная фабрика была такой же крепостной фабрикой, как и дворянская.

Положение рабочих, приписанных к фабрике, было очень тяжелое, ничем не лучше положения помещичьих крепостных. Оно будет для вас ясно, если вы прочтете отрывок, где рассказывается о том, в каких условиях жили и работали поссессионные рабочие на фабрике Жукова.

Регламент на табачной фабрике Жукова.

У нас есть подробное изображение распорядков одной из очень известных фабрик того времени, „начертанное“ с неподражаемым самодовольством самим фабрикантом и апробованное (утвержденное) высшим начальством всех фабрикантов, департаментом мануфактур и торговли. Оно рисует нам российского пролетария 30-х годов до такой степени опутанным „отеческим попечением“ владельца фабрики, что ничего лучшего не могла бы дать не только самая благоустроенная крепостная вотчина, но даже, пожалуй, арестантские роты. Каждый шаг рабочего был обставлен бдительнейшим надзором со стороны, как всевозможных наблюдателей, начиная с украшенного крестами и медалями отставного унтер-офицера и кончая простыми сторожами, так и со стороны его товарищей; взаимное шпионство возведено было в систему и поощрялось всеми способами... „О проступках (рабочих) старший и часовые представляют мне письменные замечания свои в присутствии провинившихся ежемесячно при выдаче жалованья. При сем нужным считаю дополнить, что для поддержания взаимного согласия между рабочими, доносители кроме старшего, часовых и дневальных остаются неизвестными“. „Отеческое попечение“ не оставляло рабочих даже в праздник, когда работ не было, даже вне стен фабрики: „при увольнении рабочих по праздникам с фабрики все они обязаны:

1) быть у обедни, 2) после обедни, отлучаясь со двора, им не позволено ходить ни по-одиночке, ни большими толпами, для того, чтобы в первом случае всякий из них имел свидетеля своему вне фабрики поведению, а в последнем (чтобы) большинство партии (многолюдство) не могло внушать им ни малейшей мысли о превосходстве перед кем бы то ни было в силе физической. Если же, по приказанию моему, и отправляют рабочих куда-нибудь в значительном числе, то всегда сопровождает их или старший или приказчик, ответствующий за соблюдение рабочими всевозможного благочиния". Нет надобности говорить, что на самой фабрике, во время работ, надзор был еще более пристальным. Во время производства работ старший, прохаживаясь по всей фабрике, находится в ней безотлучно, наблюдая, чтобы, с одной стороны, работы не останавливались без основательной причины, а с другой, чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословия и пререкательства. Все эти предупредительные меры приводили, по словам Жукова, к тому, что ему, как он с гордостью заявляет, никогда не приходилось прибегать к мерам карательным: на его фабрике не было даже тюрьмы, по его убеждению составляющей необходимую принадлежность большинства заграничных фабрик. Но зачем было устраивать тюрьму отдельно, когда во всем подлунном мире нельзя было найти фабрики, которая вся в целом более походила бы на тюрьму.

Эта фабрично-тюремная идиллия оканчивается описанием рабочего дня в предприятии Жукова... „Работы вообще начинаются всеобщей в 6 часов утра молитвою и продолжаются до 8 часов. 9-ый час употребляется для завтрака. 10, 11 и 12 продолжается работа; для обеда и отдыха назначено 2 часа; с двух до 8 час. вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвой и пением какого-либо церковного песнопения или народного гимна о здравии и долгоденствии государя императора. Таким образом, сохраняя молчание и изредка прерывая его, по желанию хозяина или почтенного посетителя, какой-нибудь благопристойной русской песнью, рабочие стоят на работе 11 часов в сутки, исключая воскресных, праздничных и торжественных дней, соблюдаемых с назидательным для рабочих рачением (старанием), которое и приучает их вместе к благочестию и к тому благоговению, которым они обязаны монарху, как верные подданные, располагаемые к сердечной преданности своему государю за те отдыхи, которыми пользуются по случаю дней тезоименитства и рождения высоких особ императорской фамилии.

(Покровский—«Русская история», т. IV, стр. 26).

Чем дальше шло дело, тем несвободный труд в производстве делался все более невыгодным. Чем больше русская фабрика становилась капиталистическим предприятием, тем больнее чувствовалась ею всякая недоработка, неинтенсивная работа. В то время, как в Англии работник выделывал 312½ пудов чугуна, на заводах Оренбургской губ. рабочий вырабатывал только 144 пуда; одним только различием в технике эту громадную разницу едва ли можно об‘яснить. Свеклосахарные заводы, работавшие крепостным трудом, давали всего 3% дохода. И это в то время, как купеческие фабрики, применявшие вольнонаемный труд, приносили не менее 20—25% барыша. В результате этой невыгодности в большинстве даже дворянских фабрик вводится оплата крепостых рабочих натурой или деньгами, как первый шаг к переходу на вольный труд — рабочего нужно было заинтересовать в продуктивности его работы. Уже в 30-х годах становилось понятно для дворян-фабрикантов, что на помещичьей фабрике XVIII в. „изделия вырабатывались грубо, количество оных по числу рук слишком мало, содержание и ремонт год от года дороже, дохода меньше“. Введение „задельной платы“ увеличивает продукцию и улучшает качество. „Помещик, по словам современника, несмотря на то, что производил жалованье своим рабочим—крепостным своим людям, увеличил свои доходы втрое и больше, а вместе с тем и состояние рабочих приметно улучшилось. Теперь он открыл настоящую пружину деятельности человеческой — собственную пользу каждого“. Вотчинные фабрики вообще отживают: если в 1825 году на них считалось 32% общего количества фабричных рабочих в России, то в 30-х годах дворянские фабрики составляли 15% всех фабрик, а в 40-х годах уже только 5%. В тех же условиях находились и фабриканты-купцы: И они тоже начинают стонать, что „производство на фабриках работы поссессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянные важные убытки“, что „работа посредством поссессионных фабричных, коих содержание, сравнительно с вольнонаемными, обходится слишком дорого, совершенно невыгодно“. Поссессионные рабочие, которые так ценились в XVIII веке, теперь делаются бременем, фабриканты прямо заявляют, что „присутствие дешевых крепостных рабочих страшно удорожает производство и мешает его расширению“, что вводить машинное производство не удается только потому, что в этом случае много рабочих осталось бы без дела, а жалованье им все равно приходится платить. Прочтите нижеследующий отрывок и подробнее выясните, почему фабриканты настаивают на освобождении поссессионных рабочих.

Ходатайства фабрикантов об освобождении поссессионных крестьян.

Приведем просьбу купца Колокольцова, владельца шелковой фабрики в Москве. В этой просьбе очень ясно указаны неудобства поссессионного владения, вызвавшие переход многих поссессионных фабрик от принудительного к свободному труду. При фабрике было 63 души мужского пола. „Приобретение сих людей, пишет Колокольцов в прошении к министру финансов в 1839 г., сделано родителем моим, подобно тому, как и многими другими по затруднительности в то время иметь опытных и постоянных мастеровых, и потому, что самое ткачество и другие фабричные работы, по совершенству ткацкой машины и других производств, требовали большого числа рук. Впоследствии же, в течение 35 лет, при общем распространении у нас фабричной промышленности, образовалось достаточное количество вольнонаемных мастеровых для всех родов фабрикации, а ткацкое производство поставлено больше в зависимость от машин, нежели от мастеровых. Отчего произошло, что владение поссессионными фабричными обратилось, вместо прежде бывшего пособия, в большое неудобство сравнительно с вольными фабриками, не стесняемыми ни числом рабочих, ни поведением, ни искусством, ибо от воли хозяина зависит: занимать ли работой то или иное число рук, содержать из них по вольной цене одних лучше и при несообразности их поведения удалять их из заведения...

„В виду этого Колокольцов просит уволить в свободное состояние его поссессионных рабочих без всякого для себя вознаграждения, хотя отец его приобрел этих рабочих за 15 тыс. руб. Крестьяне были уволены 27 марта 1840 г. согласно просьбе владельца... „По совершенной невыгодности производить работы посредством поссессионных фабричных, пишут, например, министру финансов 31 июля 1846 г., купцы Ефимовы, владельцы Фряновской шелковой фабрики, коих содержание сравнительно с вольнонаемными обходится слишком дорого и падает на цену изделий, желаем мы их уволить от фабрики“...

Нередко при этом приводится и другой мотив... По заявлению купца Губина „вследствие поступков самовольно отлучившегося крестьянина Кулакова, клонящихся к возмущению всех фабричных, он не надеется водворить между крестьянами совершенное спокойствие и даже страшится быть в имении“, а потому, будучи не в силах управлять фабрикой, вошел к министру финансов с прошением о принятии крестьян его в казенное ведомство. На жалобы рабочих и их неповиновение указывают в своем прошении министру финансов и купчиха Маслова (парусно-полотняная фабрика в г. Алексине), Match ждения от казны (кунавинские рабочие были приписные—правительством прикреплены к фабрике).

(Туган-Барановский.—„История русской фабрики", т. I, стр. 132).

Под давлением жалоб фабрикантов на невыгодность поссессионного труда, законом 1840 года им было разрешено освобождать поссессионных крестьян, чем и воспользовалось больше половины всех фабрик, отпустив своих подневольных рабочих и перейдя к вольнонаемному труду. Но горе-то было в том, что этот вольнонаемный труд не был вполне вольным трудом, что нанимавшиеся рабочие в огромном большинстве были помещичьи крепостные, отпущенные барином на оброк. Такого рабочего можно было заставить лучше работать, можно было от него отделаться, если он плохо работает, но ему необходимо было много платить, платить не только тот прожиточный минимум, которым удовлетворится обычный свободный рабочий, а в добавок еще и ту сумму, которую отпущенный крестьянин в виде оброка обязан внести барину. Уплачивая заработную плату рабочему, фабрикант косвенно платил помещику. Дорогие же рабочие руки заставляли подымать цену на товар и тем съужали рынок его распространения. И это тем более оказывалось чувствительно, что и вообще-то рынком фабрикант имел основание быть недовольным. Крепостные крестьяне были плохими покупателями. Так, крепостное право снова и снова мешало развитию промышленности, и крепнущая русская промышленная буржуазия пред‘являла правительству требование не только освободить поссессионных рабочих, но и в общем масштабе уничтожить крепостное право. Однако, у власти в то время стояла не буржуазия, а помещики, и если бы они стали энергично отстаивать свои права на крепостных, то едва ли фабрикантам удалось бы повернуть по-своему государственную машину. Но в 50-х годах и эта более властная группа охотно пошла навстречу требованиям промышленников. Дело было в том, что дворянин сам был уже до некоторой степени „буржуа“, так как с развитием денежных отношений он получил возможность извлекать большие барыши из своего имения при условии правильной постановки хозяйства.

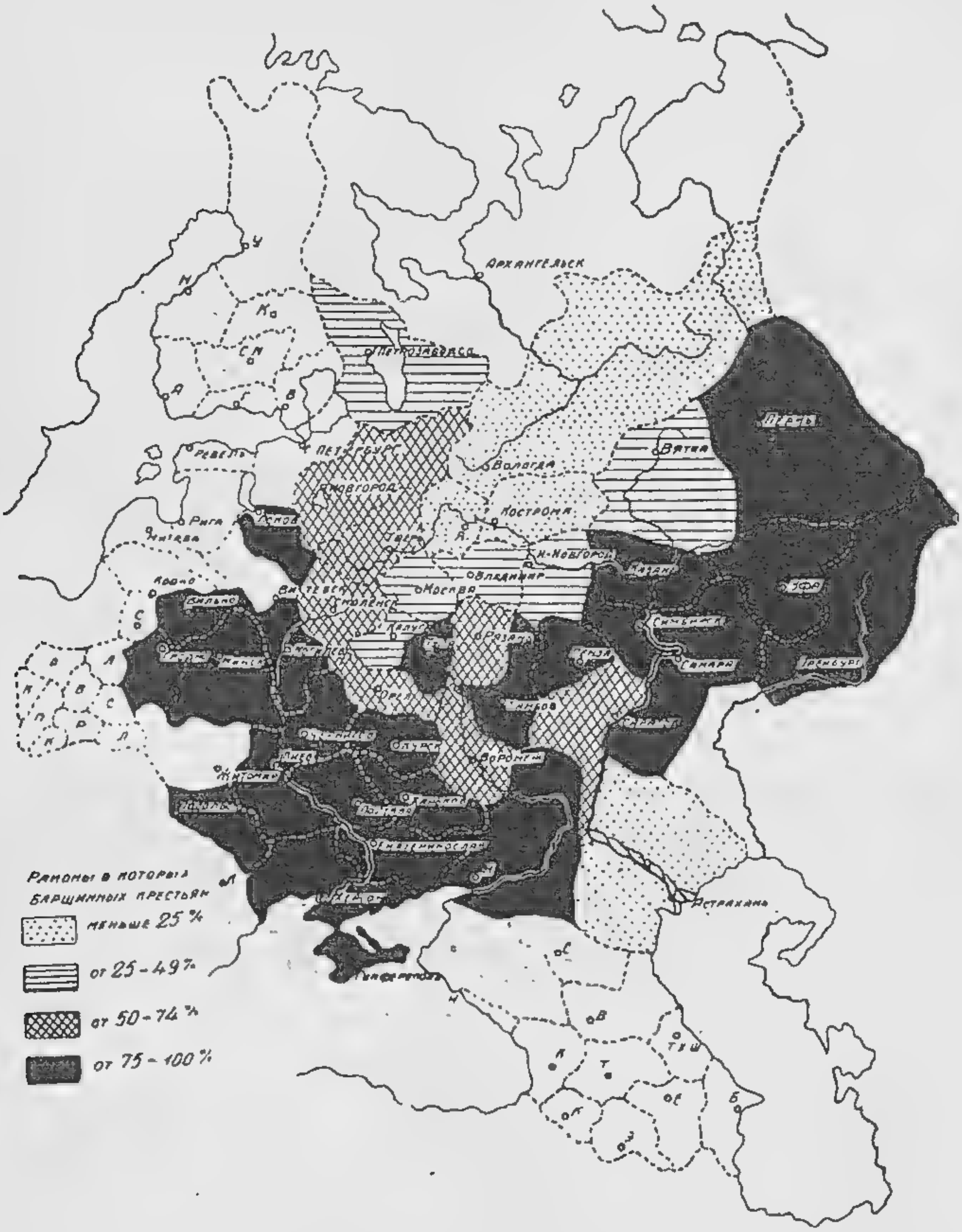
Если для крепнувшей и влиятельной русской промышленности вопрос об освобождении крестьян был вопросом жизни или смерти, то почти таково же было отношение к этому делу в середине XIX века и крупного землевладельческого хозяйства.

Хозяйство южной черноземной полосы, с одной стороны, и центрального и северного неплодородных районов—с другой, были поставлены в совершенно различные условия. На севере и в центре земля дает плохие урожаи и не обеспечивает прочного дохода помещикам. На зато здесь возникло много фабрик, работавших на вольнонаемном труде, и помещики предпочитали эксплоатировать своих крепостных, отпуская их на оброк на эти фабрики в рабочие, или же предоставляли им работать на земле, взимая опять-таки с них определенный ежегодный оброк. При этом, по мере развития денежного хозяйства оброк все подымался и все тяжелее ложился на крестьян. Северные помещики дорожили своим правом получать определенный доход со своих крепостных крестьян. Не то на юге. Если здесь и возникали промышленные предприятия, то это была почти исключительно обработка сырья, которое давала местная добывающая промышленность, как, например, свеклосахарные заводы. Самые размеры и быстроту роста этих предприятий нельзя и сравнить с производством промышленного севера. Здесь помещики жили своим земледельческим хозяйством, здесь имения крупных помещиков могли сделаться настоящими „хлебными фабриками“, и естественно, что здесь громадное большинство крестьян работало на барщине. И если масса мелких и средних помещиков еще держалась по привычке старых приемов обработки земли и была мало втянута в торговый оборот страны, если эти помещики, не будучи в состоянии давать хлеба на рынок, побаивались введения новых способов организации хозяйства, то крупные помещики, особенно наиболее дальновидные из них, должны были призадуматься над своим положением.

По карте, помещенной на стр. 33, выясните, какие районы России были почти исключительно барщинные, и где был распространен оброк.

В связи с ростом спроса на русский хлеб на заграничном рынке в 40-х годах перед крупным помещиком южной России стояла задача, которую он должен был неотложно разрешить—отвечать на спрос предложением хлеба в соответствующем количестве, т.-е., другими словами, добывать возможно больше хлеба со своей земли, увеличить запашку, сделать производительнее работу.

Распределение барщинных и оброчных крестьян в 1858 году


Архангельск
Петрозаводск
Петербург
Ревель
Новгород
Вологда
Вятка
Кострома
Пермь
Рига
Митава
Псков
Тверь
Я.
Н.-Новгород
Казань
Владимир
Москва
Ковно
Вильно
Витебск
Смоленск
Калуга
Рязань
Уфа
Симбирск
Самара
Оренбург
Минск
Орел
Тамбов
Чернигов
Курск
Киев
Воронеж
Житомир
Харьков
Полтава
Екатеринослав
Астрахань
Симферополь
У
Н
Ко
СМ
А
В
С
Л
Районы в которых барщинных крестьян
меньше 25 %
от 25 - 49 %
от 50 - 74 %
от 75 - 100 %

Конечно, таковы были стремления преимущественно крупных помещиков юга, т. к. именно они были главными производителями хлеба.

Много ли было в России крупных помещиков? Как между разными группами помещиков распределялись крепостные? Ответ на эти вопросы вы найдете в следующих таблицах.

Число помещиков и их крепостных.

	1858 год.			
	Владельцев.	В %%.	У них крепостных.	В %%.
Беспоместных	3.633	3,5	12.045	0,1
Имеющих до 20 душ . . .	41.016	39,5	327.524	3,1
„ от 21—100 душ.	35.498	34,2	1.666.073	15,8
„ „ 101—500 „	19.930	19,2	3.925.102	37,1
„ „ 501—1000 „	2.421	2,3	1.569.888	14,9
„ больше 1000 „	1.389	1,3	3.050.540	29,0
Итого . . .	103.888	100	10.551.172	100

(И. И. Игнатович—„Помещичьи крестьяне накануне освобождения“).

Преобладание на юге России в крепостную эпоху крупного землевладения.

В среднем на одного помещика приходилось десятин в губерниях:

ГУБЕРНИИ.	Количество десятин.	ГУБЕРНИИ.	Количество десятин.
Таврической	3.563	Харьковской	429
Ставропольской . . .	1.386	Орловской	298
Херсонской	1.255	Тульской	248
Екатеринославской .	1.114	Рязанской	191
Полтавской	814	Курской	171

(„Военно-статистич. сборник“, стр. 188).

По пути увеличения запашки помещики черноземной полосы пошли уже давно. В конце XVIII века десятина земли в южных губерниях ценилась в 2—5 руб., а в 30-х годах XIX века уже в 40—100 руб. на тогдашние деньги. Это свидетельствует о том, как выгодно стало земледельческое хозяйство, и помещики усиленно начинают отбирать у крестьян землю в свою запашку, тем самым обезземеливая крестьян.

Выясните, в каких районах преобладало помещичье землепользование, и где особенно быстро убывала земля, находившаяся в пользовании крестьян:

Распределение удобной земли между помещиками и крестьянами накануне реформы.

Из 100 десятин удобной земли с лесом было в пользовании:

РАЙОНЫ.	Крестьян.	Помещиков.
	В процентах.	
Северный	26,4	73,6
Северо-Западный	28,6	71,4
Моск. промышл.	48,1	51,9
Центрально-земледельч.	47,2	52,8
Восточно-малороссийский	38,8	61,2
Поволжье	43,7	56,2
Северо-Восточный	15,4	84,6
Новороссийский	14,3	85,7
Западная Малороссия	36,7	63,3
Литва с Белоруссией	27,8	72,2
Всего в Европейской России	34,0	66,0

(Огановский—„Очерки по ист. земельных отнош. в России“, стр. 29).

% отнятой помещиками у крепостных крестьян земли за последние 60 лет крепостного права.

(Припомните, почему этот % был различен в разных губерниях?).

		Земли у помещиков.	Земли у крестьян.
		В процентах.	
В 8 губерниях нечерноземных:	В конце XVIII века (пашня)	14	86
	В половине XIX века (без леса)	25	75
В 6 губерниях черноземных:	В конце XVIII века (пашня)	18	72
	В половине XIX века (вся земля без леса).	49	51

(Из брош. Н. П. Огановского—„Наделение землею помещичьих крестьян“.М. 1913 г., стр. 31).

Но далеко итти по этому пути было трудно: крепостным барщинным крестьянам все же необходимо было сохранить участки земли, которые бы их прокармливали.

Правда, в виде исключения были случаи, когда помещики отбирали у крестьян всю землю и пахали на себя, давая крестьянам взамен определенное месячное содержание. Такие крестьяне назывались месячниками.

Дело, очевидно, заключалось для помещиков не в дальнейшем расширении запашки, а в увеличении продуктивности работы на имеющейся земле. И вот, барщинное хозяйство, удовлетворявшее в свое время нужды барской усадьбы и двора, оказалось несостоятельно, когда пришлось работать на иностранный рынок в условиях развивающегося капитализма. Оно оказалось невыгоднейшей формой сельско-хозяйственного производства, и в середине XIX века это было совершенно ясно для помещиков черноземного юга. Помещик Кошелев в 1847 году так пишет о барщинной работе:

„Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше— ему не дело делать, а день убить. На господина он работает три дня и на себя также три дня В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству, как к единственно возможному, чтобы дело вперед подвинуть. С этой работой теперь сравните артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит: материалов не наготовишься; времени проработают они меньше барщинного крестьянина; отдохнут они более его, но наделают они вдвое, втрое, отчего? Охота пуще неволи“.

До какой степени был невыгоден крепостной труд на земле, и как мало сравнительно он давал дохода—показывают следующие выкладки:

Невыгодность крепостной работы.

В Тульской губ. тягло, т.-е. крепостной работник с работницей, обходились в год в одном имении в 288 рублей; между тем наемный труд соответствующего количества и качества, считая и пропитание и работника и работницы, и содержание живого и мертвого сельско-хозяйственного инвентаря, приводил к расходу всего в 170 руб. в год... В Московском уезде один помещик обрабатывал часть земли крепостной барщиной, а другую часть — вольнонаемным трудом, и оказалось, что крепостное тягло ему стоило 21 четверть ржи и принесло доходу только 15½ четв. ржи, тогда как вольнонаемные работник с работницей обошлись в 20½ чет. ржи—дешевле крепостных—и доставили доходу чуть не втрое больше—43 четв. ржи. В Рязанской губ. крепостное помещичье хозяйство давало в год 8—10% чистого дохода, а вольнонаемное купеческое приносило от 15 до 20 процентов. В Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях в случаях применения вольнонаемного труда чистый доход простирался иногда до 50 и более процентов с оборотного капитала: так, Саратовский купец Рекк в 1840 году получил 57% прибыли со своего имения, где все сельско-хозяйственные работы производились по найму.

(Рожков, Н. А.—Экономическое развитие России в изд. „Гранат“: „История России в XIX в.“).

К тому же с ростом крепостного населения у многих помещиков оказывались излишние рабочие руки, которым не было применения на земле. При этих условиях не имело смысла вводить более усовершенствованные орудия, которые ускорили бы процесс работы: не было побуждения покупать машину, когда даровые рабочие ее заменяли. А когда крестьян делалось больше, чем нужно, их брали в дворовые, пытались использовать их для производства. Крестьяне, которые плохо работали и которых надо было содержать, делались обузой для помещиков, и недаром были случаи, когда населенная крестьянами земля ценилась дешевле, чем земля без крестьян.

В поисках выхода из создавшегося положения помещики также, как и фабриканты, пытаются заменить невыгодную барщину вольнонаемным трудом или по крайней мере заинтересовать крестьян и усилить этим продуктивность их труда или же обработку земли при помощи барщины дополнить вольной обработкой.

Тут можно наметить различные переходные к вольному труду формы хозяйства, применявшиеся помещиками. Многие помещики в целях поощрить крестьян лучше работать увеличивали количество земли, отдаваемое в пользование крестьянам. Этим они, правда, уменьшали барскую запашку, но добивались того, что крестьяне, получившие дополнительные наделы, повышали интенсивность труда и поднимали урожайность земли. За лучший труд выдается повышенное вознаграждение. В нечерноземной полосе помещики разрешали крестьянам, которые предпочитали работать на фабрике, нанимать за себя на барщину работников. В губерниях же южных обычным было, что помещики на горячее время принимали в добавок к своим барщинным крестьянам вольнонаемных рабочих, которые приходили на летнее время из густонаселенных украинских и заокских губерний. Были хозяйства, которые всецело строились на вольнонаемном труде, а некоторые из них вводили даже машины (молотилки, веялки, сортировки) и в связи с этим предпочитали уже определенно наемных рабочих „с платой деньгами, но не хлебом". Так стремление помещиков лучше использовать землю вело к разложению старых крепостных форм в сельском хозяйстве.

Но все это, конечно, было полумерами, не выводившими окончательно из трудного положения. Все это годилось только до тех пор, пока заграничный рынок не был широко раскрыт перед русским хлебом, т.-е. до конца 40-х годов, до отмены хлебных законов в Англии. В 50-х годах с ростом цен на русский хлеб дело совершенно изменилось. Вся обстановка народного хозяйства того времени—широкий хлебный рынок, развитие денежного хозяйства требовали полного перехода к буржуазным, капиталистическим, интенсивным формам сельского хозяйства. Помещики 30-х и 40-х годов, сознавая всю невыгодность барщинного труда, мирились с ним, так как он давал некоторый доход без всяких затрат. Для помещика 50-х годов, которому потребовалось сильно увеличить производство хлеба, необходимы стали и новые формы хозяйства. Для такой постановки дела нужны были, прежде всего, деньги, и затем возможность совершенно свободно распоряжаться рабочими руками.

Денег у помещиков не было. Их имения были заложены и перезаложены. До какой степени остро почувствовали под влиянием развития денежного хозяйства дворяне нужду в деньгах, показывает тот факт, что в государственных кредитных учреждениях, в 50-х годах было заложено дворянских имений на огромную сумму в 425½ миллионов рублей. Заложенные земли уже не принадлежали дворянам, так как они получили за них от банка деньги и в случае несвоевременной выплаты процентов земля банком могла быть продана в свою пользу. Быстро ли росла эта задолженность, вы увидите из следующей таблицы.

Задолженность дворянского землевладения перед освобождением крестьян.

К 1833 г. заложено душ на 270 милл. серебром.
„ 1855 „ „ „ „ 398 „ „
„ 1859 „ „ „ „ 425 „ „

При этих условиях мелкопоместные дворяне плохо выдерживали конкуренцию крупных хозяйств и продавали свои земли. К середине XIX века более крупное землевладение растет за счет мелкого. Но и крупные помещики, нуждавшиеся в деньгах, вероятно, очень быстро распродали бы свои земли, если бы имели на то полную свободу. Препятствие было в том, что владеть населенными землями имели право только дворяне, продать имения купцам, которые вложили бы в землю капитал, они могли, лишь предварительно вывезши крестьян в другие свои имения. Это было не так-то просто, и потому подобные случаи являлись исключениями.

Таким образом, помещик, тяготившийся своим барщинным хозяйством, лишенный возможности продать землю и неимеющий денег для поднятия хозяйства, начинает мечтать о том, чтобы избавиться от своих крестьян, сохранив при этом землю и получив за освобожденных крестьян известную сумму денег, которую можно было бы вложить в хозяйство. Только в этом черноземный помещик мог видеть выход из положения.

Так в среде черноземных помещиков, преимущественно крупных, складывается мысль об общей реформе, об освобождении крестьян с сохранением за помещиками земли.

Но, может быть, при иных условиях, помещики все же не решились бы так стремительно броситься к полной ликвидации барщинного хозяйства. Хозяйство их не так катастрофически росло, чтобы еще некоторое время они не могли бы жить при крепостном режиме, вводя в него так или иначе элементы буржуазной эксплоатации (оброк, вольнонаемный труд, премии). Решающую роль сыграло опасение, что иначе ликвидация крепостных отношений пойдет по другому, снизу. Дело в том, что кроме промышленников и южных помещиков была еще одна группа населения, которая нетерпеливо выражала свое требование реформы. Это—сами крестьяне. С развитием денежного хозяйства их положение, естественно, ухудшилось; северные помещики стали требовать с них больше оброку, южные—большего напряжения работы на барщине. И в то же время раз об освобождении крестьян уже заговорили помещики, и оно стало находить отклики в литературе (повести Герцена, Григоровича, „Записки Охотника“ Тургенева и проч.), то крестьяне начали ждать его нетерпеливо и волноваться. За 29 лет царствования императора Николая I, с 1826 по 1854 г., было 556 крестьянских волнений, при чем до конца 40-х годов количество волнений все растет: в пятилетие 1826—1830 г.г. было 41 волнение, а в 1845—49 г.г. 172. За 19 лет было зарегистрировано 144 убийства помещиков и 75 покушений, а случаи сечения помещиков крестьянами были еще чаще. Крестьянские волнения подавлялись с помощью воинских команд, а вслед за усмирением следовала расправа. Были случаи, когла крестьяне поднимались целыми тысячами и для их усмирения приходилось пускать в ход по несколько эскадронов кавалерии.

Особенно усилились волнения при начале Крымской войны, в связи с распространившимися среди крестьян слухами о том, что крестьяне, которые поступят в ополчение, получат свободу. До какой степени серьезны были крестьянские бунты, и как они беспокоили правительство и дворян, лучше всего показывают слова знаменитой речи Александра II к дворянам. Указывая на необходимость заняться вопросом о крестьянской реформе, он говорил: „Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу“. Призрак новой пугачевщины, очевидно, преследовал правительство и не мало способствовал тому, что оно решилось, в конце концов, заняться этим делом.

Но прежде чем правительство решило взяться за вопрос об изменении в положении крестьян, оно долго колебалось.

Может показаться странным, что русское правительство середины XIX столетия, тесно связанное с дворянством и достаточно чутко относившееся к нуждам растущей промышленности, что это правительство так тормозило реформу, ставшую делом первой необходимости для благосостояния и промышленников и богатых дворян. Разгадка тут заключается в том, что хотя правительство было связано с руководящими группами помещиков и буржуазии, оно предпочитало опираться на партию наиболее отсталых дворян, консервативных и боявшихся отмены крепостного права. Эта позиция об'ясняется тем, что правительство Николая I больше всего и тверже всего отстаивало свои самодержавно-бюрократические интересы, и не могло не понимать, что падение крепостного права и быстрый перевод хозяйства, в связи с этим, на капиталистическую почву, может подорвать патриархально-самодержавный строй. Такая мысль очень отчетливо выражена в словах верного сторонника самодержавного порядка, министра гр. Уварова: „Вопрос о крепостном праве,—говорил он,—тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии. Это две параллельные силы, которые развивались вместе. У того и другого одно историческое начало; законность их одинакова... Крепостное право существует, каково бы ни было, а нарушение его повлечет за собою неудовольствие дворянского сословия, которое будет искать себе вознаграждения где-нибудь, а искать негде, кроме области самодержавия... Оглянутся тогда на соседей, и начнутся толки, что и как таму строено. Наши революционеры или реформаторы произойдут не из низшего класса, а будут в красных и голубых лентах. Уже слышатся их желания даже и без этого повода... Правительство не приобретет ничего посредством этого действия. Низший класс и теперь ему предан, а бояться его ни в коем случае нечего; крестьяне могут поджечь дом, поколотить исправника, но не более. Правительство не приобретет ничего, а потерять может много. *Другая оппозиция* опаснее ему“.

Еще декабристы сочетали в своей программе борьбу с самодержавием и освобождение крестьян. И этот урок Николаю запомнился.

А в Европе в 30-х и 40-х г.г. происходил ряд революций, которые изменяли государственный строй, свергали королей или ограничивали их власть. Эти перевороты вызывали в Николае I непреклонную ненависть и страх перед демократией, перед революцией, перед всей насквозь проникнутой революционной заразой Европой. Эта ненависть и этот страх заставили Николая вмешаться в австрийскую революцию (1848 г.) с тем, чтобы помочь австрийскому императору раздавить восстание в Венгрии, а позже об‘явить войну Англии и Франции, войну, кончившуюся большим разгромом русских войск и взятием англичанами и французами Севастополя. Николаевское правительство было воплощенной реакцией всему, что было живого в Европе, оно поддерживало застой во всех областях жизни. Император Николай хорошо понимал, что „вся его система могла держаться, как консерв, только в герметически закупоренной коробке. Стоило снять крышку, и разложение системы началось бы с молниеносной быстротой“ (Покровский).

И приступ к крестьянской реформе рисовался страшным. Ведь помещикам за отобрание у них дарового крепостного труда, пришлось бы заплатить большие суммы, а этого не удалось бы сделать без заграничного кредита; затем, переход сельского хозяйства на капиталистическую основу влек за собою, как второй шаг, постройку железнодорожной сети, которая сделается необходимой для удешевления перевозки хлеба из барских имений к портам, так как они должны будут превратиться в настоящие фабрики хлеба, и сюда, конечно, тоже будут вовлечены иноземные капиталы. Западная буржуазия, которая свергала королей и устраивала республики в Европе, протягивает свои руки в Россию, и перед этим призраком шарахался назад самодержавный царь, которому ежедневная действительность напоминала, что освобождение крестьян — неотложный вопрос народного хозяйства.

И только Крымская война, начатая в 1853 году против Франции, Англии и Турции наперекор всему экономическому развитию России, кончившаяся позорным поражением, падением Севастополя и гибелью русского черноморского флота и нанесшая тяжелые удары русской торговле и сельскому хозяйству, вывоз продукции которого упал, эта война воочию обнаружила, как технически и экономически отстала крепостная Россия. В далекий Крым из центра государства приходилось перегонять пешком солдат и перевозить на крестьянских подводах припасы для армии, в то время, как на Западе был паровой транспорт. Английская артиллерия безнаказанно расстреливала русские войска, потому что ответные снаряды не долетали. Флот пришлось просто самим потопить в Севастопольской бухте, так как он был явно бесполезен по своей технической отсталости; медицинская помощь и перевозка раненых стояли ниже всякой критики. Эти и подобные факты характеризовали полный крах всей системы Николая I и показывали, что нельзя безнаказанно становиться на дороге экономическому росту страны. Крымская война смела Николаевскую систему. Новое правительство Александра II должно было итти по другому пути, и вопрос о крестьянской реформе сразу стал на очередь дня.

II. Реформа 1861 года.

Подталкиваемое фабрикантами и помещиками, перепуганное крестьянскими волнениями, обессиленное Севастопольской катастрофой, правительство нового царя Александра II принялось проводить крестьянскую реформу.

Что реформа сделалась неотложно необходимой, это стало всем ясно, и с этим не хотели мириться только группы отсталых помещиков—владетелей десятка-другого крепостных душ, которых реформа должна была погубить. Отношение помещиков в их массе к вопросу об отмене крепостного права выражено в записке министра Перовского, поданной императору Николаю I.

Из записки Перовского.

Время и новые отношения вовсе изменили взгляд образованных помещиков на крепостное право: они, конечно, опасаются последствий свободы, зная необузданность народа, вышедшего однажды в каком-либо отношении из своего обычного положения и из пределов повиновения; но владельцы ныне уже вовсе не боятся утраты своего достояния от дарования людям свободы. Помещики сами начинают понимать, что крестьяне тяготят их, что было бы желательно изменить эти обоюдно невыгодные отношения. К сему повели мало-по-малу возвысившаяся ценность и недостаток земель, неопределенность крестьянских обязанностей и возникающие из этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьян в таких случаях на свой счет; беспечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнув видеть в нем опекуна своего, сам о себе не заботится. Сверх сего опыты обработки земель наемными людьми в губерниях: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и других показали, что там, где нет недостатка в руках, владелец населенной земли при подобном хозяйстве оставался в выигрыше против помещика. Вот причины, по коим большая половина нашего дворянства вовсе не опасается утраты достояния своего от уничтожения крепостного состояния, но страшится последствий переворота, коих всякий благоразумный человек, знающий народ и его понятия и наклонности, должен опасаться.

(Семевский.—„Крестьян. вопр. в России в XVIII—XIX в“.
Т. I, стр. 135).

Записка же публициста Кавелина показывает, как умнейшие люди того времени оценивали роль крепостного права в жизни России. Из этой записки можно выяснить, в чем видел Кавелин наиболее существенный вред крепостного права и опасность, вытекавшую из его существования.

Из записки Кавелина.

Причин нашей бедности очень и очень много... Но ни одна не проникает так глубоко в народную жизнь, ни одна так не поражает промышленной деятельности народа в самом ее зародыше, ни одн так не убивает всякий нравственный и материальный успех в России, как крепостное право, которым опутана целая половина сельского народонаселения империи.

В помещичьем крепостном праве заключается если не единственная, то бесспорно одна из главнейших причин неправильного распределения сельского народонаселения в империи и искусственного направления его промышленной деятельности Крепостной не всегда поселен там, где ему удобнее и лучше, и не всегда ведет именно тот образ жизни который по местным условиям края был бы и для всего государства производительнее и для него самого выгоднее. Многие местности империи содержат сравнительно слишком частое население; другие, напротив, страждут отсутствием рабочих там появляется бедность от недостатка земли, здесь остаются без употребления и без пользы пространства самые благоприятные для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помещичье право приковывает крепостных к той или другой местности случайно и не дает огромным массам сельского народонаселения расселиться правильным образом...

Огромное большинство помещиков стараются производить как можно больше всякого рода хлеба, не справляясь и даже не думая о том, стоит ли заниматься земледелием и не было ли выгоднее обратиться к другим промыслам. Помещики не думают об этом потому, что пользуются трудом своих крепостных даром, а вследствие этого рассчитывают свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговым ценам на хлеб, а не принимают, да и не могут принимать в расчет,—сколько они издержали на получение своего дохода. С первого взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тем в нем именно и заключается главнейшая причина постепенного и повсеместного об‘единения наших помещиков и крестьян. Не имея возможности расчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлеба, помещик не в состоянии определить и низшей, наименьшей цены, ниже которой ему нельзя продать хлеба, не потерпев убытка, и потому наибольшая часть помещиков сообразуется только с торговыми ценами и со своими потребностями. Выжидать хороших цен на хлеб в состоянии лишь очень немногие владельцы, а большинство, имея крайнюю нужду в деньгах, готовы отдать свой хлеб по существующим ценам. Кто же устанавливает торговые цены на хлеб? Торговцы, хлебные барышники и скупщики, которые руководствуются при этом одними своими, конечно, совершенно безобидными для себя соображениями, и по стачке между собой умышленно поддерживают самые низкие цены на местах закупки, пока весь хлеб ими не скуплен. Если бы от этого терпели одни владельцы, то и тогда вред был бы очень велик и важен, но к довершению несчастья, от такого порядка дел несут чувствительные убытки не одни помещики, но вместе с ними и крестьяне...

Конечные последствия этого хода дел в весьма непродолжительном времени будут заключаться в совершенном об‘единении и владельцев и крестьян; а возрастающее соответственно тому уменьшение государственных доходов поставит и правительство в самое трудное положение.

Наконец, осуждая на даровой труд огромные массы людей, владельческое крепостное право делает вольнонаемных менее нужными и тем сбивает цены на труд вообще. От этого не только терпят низшие классы, но и само правительство, потому что чем меньше кто зарабатывает, тем он беднее, тем меньше проживает и, следовательно, тем меньше платит податей и пошлин...

Наконец, крепостное право не только разоряет и развращает государство, но оно грозит ему бедами и великими опасностями и в политическом отношении. С тех пор как крепостное право водворилось на русской почве, несколько раз государство стояло, благодаря ему, на краю гибели. Оно было одной из главных причин наших несчастий в начале XVII века; бунты Стеньки Разина, Пугачева и других менее известных героев и атаманов буйной вольницы,—все эти разрушительные элементы восставали и поднимались из мутных источников крепостного права... Все это может убедить даже самых близоруких и ослепленных, что народ сильно тяготится крепостной зависимостью, и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться пожар, которого последствия трудно предвидеть...

(Сочинения Кавелина, т. II, стр. 5).

Но если крепостное право дружно осуждалось, то по вопросу о том, в каких формах и на каких условиях освободить крестьян—единомыслия совсем не было. Правительство к участию в реформе широко привлекло дворянство. Предварительное обсуждение вопросов, связанных с раскрепощением, было передано губернским комитетам, т.-е. дворянам было предложено собираться по губерниям и представлять свои планы освобождения крестьян правительству. В этих комитетах находило свое отражение мнение дворянства и вырабатывались проекты освобождения, выявлявшие точки зрения местных помещиков. В дальнейшем выработка „Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости“ проходила в „Редакционной Комиссии", где правительственные чиновники вели работу рядом с представителями дворянских интересов. Таким образом дворяне имели полную возможность сказать свое слово и повернуть дело в желательную для себя сторону.

Из проекта речи помещика Кошелева рязанским дворянам выясните, почему помещики считали нужным принять участие в проведении реформы, а следующий за ним отрывок характеризует то оживление, которое охватило помещичьи круги перед реформой.

Из проекта речи Кошелева.

Конечно, милостивые государи, мы не обязаны жертвовать достоянием семейств наших для достижения цели, даже высокой. На нас лежит долг сохранить детям полученное нами по наследству. Сей-то именно долг и побуждает меня настаивать особенно на необходимости разрешения сего вопроса в настоящее время. Положение дворянских поместий, вообще, бедственно: никогда не было столько имений описанных и назначенных в продажу, как ныне; никогда дворянство не было более, чем ныне, обременено долгами, частными и казенными. Причины сего бедственного положения нашего дворянства, конечно, многоразличны, но главнейшие, смею думать, заключаются в неопределенности и нетвердости наших отношений к крестьянам. При теперешних наших обстоятельствах нельзя и думать о существенных переменах и улучшениях в хозяйстве. Барщинная работа есть всегдашний камень преткновения для всех наших усилий по сему предмету. С другой стороны, крестьяне так убеждены в вспомоществовании со стороны помещика, что собственными работами занимаются они еще хуже, чем господскими. Одно средство выйти из сего ложного положения заключается в том, чтобы нам совершенно выделить свою собственность, свою настоящую принадлежность, а в крестьянах возбудить деятельность выгодами труда собственно для них самих. Если правительство приступит одно к решению сего вопроса, то оно неминуемо издаст правила общие, и многие, весьма многие из нас потерпят убытки невознаградимые. Обстоятельства сего дела крайне многосложны; весьма нужны для этого местные сведения, но еще нужнее соображения людей, у корня дела находящихся. Неужели мы добровольно откажемся от участия, предлагаемого нам правительством в сем важном деле, и предоставим на произвол обстоятельств то, что теперь можем устроить для собственной пользы, для пользы детей наших и всего государства? Нет, почтеннейшие сочлены, за бездействие в сем случае мы будем отвечать перед самими собою, перед детьми и внуками нашими.

(Биография Кошелева т. II, прил. V).

Толки о воле.

— Как, у меня отнимут мое?—слыхал я... Ведь я человеком владею: мне мой Ванька приносит оброку в год по 50 целковых... Отнимут Ваньку, кто мне за него заплатит, да и кто его ценить будет?

— Никто не спорит, что владеть человеком, как какою-нибудь вещью, безнравственно,—говорили те же самые люди, едва прошло месяца 2 после первых толков:—За людей мы не стоим—крестьян должно освободить, но скажите Христа ради, за что же у меня землю отнимут и отдадут другому?

— Необходимо крестьянам дать замлю,—заговорили еще позднее,—это необходимо для нас самих; мужику нечего будет есть: поневоле пойдет на большую дорогу, сядет под мост, проезду никому не будет; дневной разбой пойдет!

Наконец, дозволено было просить государя об освобождении крестьян. По губерниям собрались дворяне: надо писать адресы (заявления)... дозволено и адресы подавать.

— Мы подпишем адрес безусловный,—говорили одни.

— Не должно подписывать безусловного адреса,—толковали другие.

— Дать мужикам землю!... Мужиков нельзя отпустить совсем без земли!... Не давать мужикам земли!—шумели в одном собрании.

Толковали, толковали и подписали безусловный адрес решительно все.

Дозволили и писать и подавать проекты об освобождении крестьян. Благородные дворяне, не бравшиеся никогда за перо, стали писать проекты, стали читать эти проекты; только мало было охотников слушать эти проекты...

А проекты были великолепные!... Одни предлагали так, другие иначе. Одни говорили, что, конечно, крестьянам, хотя и составляют они помещичью собственность, необходимо даровать свободу, но при этом не должно забывать и права помещиков на их собственность; а потому предлагали всех крестьян выкупить за цену, чрезвычайно умеренную. А именно, так как за человека, отданного в рекруты, казна платит 300 руб. сер., то и за освобождение следует заплатить по тому же расчету; а как сверх того крестьянам нужна земля, то и за земли должны дать помещику из казны: за коноплянники по 200 руб., а за распашенную по 150 руб.

— Помилуйте,—говорили этому писателю,—да ведь вы хотите взять за часть вашего именья в десять раз больше, чем стоит все именье!

— Этот выкуп должна произвести казна, а казна должна быть великодушна.

— При всем великодушии казне и деньги нужны; а ежели в казне не хватит столько денег, сколько нужно по вашим расчетам? Тогда как?...

(П. Якушкин.—„Велик бог земли русской“, стр. 3).

Положение об освобождении крестьян вырабатывалось в обстановке упорной борьбы. Это не была борьба между буржуазией и помещиками, ни еще менее между крестьянами и помещиками. Голоса крестьян не было слышно,—на их защиту становились только представители правительства, заинтересованного в том, чтобы крестьян не разорили до конца, для того, чтобы иметь в них исправных плательщиков налогов. Купечества тоже не спросили;—его интересы совпадали с интересами некоторых групп помещиков. Но в среде самих помещиков не было никакого единодушия, и главная борьба шла внутри самого этого сословия. И дело было не в том, что одни были крепостниками, а другие—сторонниками освобождения. Точки зрения тех или иных групп помещиков определялись строем их хозяйств, экономическими условиями данных районов.

Крепостное хозяйство было безусловно невыгодно крупным помещикам черноземного юга, и они охотно отказывались от барщинного труда крепостных, но огромную ценность для них представляла прекрасная земля, и ее им необходимо было сохранить. В их интересах было хотя бы и даровое, но безземельное освобождение крестьян или лучше, чтобы крестьянам были уделены незначительные клочки земли, не больше того, сколько нужно, чтобы они не ушли с места и, нуждаясь в заработке, дали бы помещикам необходимые им вольнонаемные руки на их полях, или же, чтобы им пришлось приарендовывать у помещика те самые наделы, которые до сих пор получали даром. В таком смысле высказались губернские комитеты: Воронежский, Курский, Тамбовский, Орловский, Полтавский, Екатеринославский, Херсонский, Таврический.

Но комитеты некоторых поволжских и центральных губерний оказались осторожнее. Как ни невыгодна была барщинная обработка, она была привычна и давала хотя бы и незначительный доход, переход же на вольнонаемный труд казался рискованным. Новые формы хозяйства прежде всего потребуют денег, а затем, найдутся ли необходимые рабочие руки, особенно в малонаселенном Поволжьи или в центральных губерниях, где и так большая тяга на фабрики? Итак, они хотели, если уже приходилось лишаться барщины, получить за нее выкуп в виде денег, которые можно будет вложить в хозяйство и кроме того, чтобы переход к новым формам прошел бы постепенно, чтобы земля оставалась помещичьей, а за то, что крестьяне будут ею пользоваться, за помещиками должно быть сохранено право требовать с них отбывания барщины. Это был таким образом план замаскированного сохранения крепостного права, по крайней мере, на время.

И, наконец, совсем иное было отношение передовых помещиков промышленного центра. Здесь преобладал оброк, а не барщина, и главный доход получался не с земли, а с крестьян, которые уходили на фабрики и выплачивали помещикам значительные суммы в виде оброка. Освобождение крестьян лишало их верного дохода, который они получали без всякого труда для себя, и сохранение за ними земли ни в какой мере их не устраивало. Они соглашались на освобождение только при условии вознаграждения, и не столько за землю, отходящую из их владения, но главное—за самих освобожденных крестьян. Но так как за личность крестьян брать денег не приходилось, то нужно было это сделать в замаскированном виде, проведя очень высокую оценку усадебной земли, уступаемой крестьянам. Так смотрели помещики промышленных губерний.

По записке Кавелина вы увидите, какие основания эта группа помещиков приводила для такого именно способа освобождения.

Из записки Кавелина (1855 г.).

Государство не может ни желать, ни допустить освобождения крестьян без вознаграждения владельцев, и на это имеет самые основательные причины. Освобождение крестьян без вознаграждения владельцев, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях; во-вторых, оно внезапно повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей в России, что, по крайней мере, сначала могло бы иметь во многих отношениях неблагоприятные последствия для всего государства; в-третьих, владельцы тех имений, где обработка земли наймом больше будет стоить, чем приносимый ею доход, с освобождением крепостных совсем лишатся дохода от этих имений. Не получив вознаграждения, многие из них на первый раз, а иные, может быть, и на всегда, были бы осуждены на самое бедственное существование, или даже остались бы на руках у правительства, которое через это было бы вовлечено в чрезвычайно обременительные издержки и пожертвования.

По соображениям, столько же важным и настоятельным, правительство вынуждено так же обратить все свое внимание и на возможно большее личное и вещественное обеспечение крестьян при освобождении их от власти помещиков. Так, в видах общественной тишины и порядка правительство не может допустить сохранения хотя бы тени зависимости бывших крепостных от их бывших помещиков; иначе беспрестанные столкновения между теми и другими, неудовольствия, бесконечные тяжбы и несправедливые взаимные претензии размножались и продолжались бы вечно... Равным образом, правительство ни под каким видом не может не согласиться на увольнение крепостных без земли, потому что через это сельское население было бы поставлено, если не по праву, то на самом деле, в слишком большую материальную зависимость от владельцев или даже, наскучив этой зависимостью, потеряло бы мало-по-малу оседлость, для водворения которой в низших сословиях столько принесено жертв, столько сделано усилий, и стало бы по-прежнему перекочевывать из одного края России в другой, к явной опасности для государства во всех отношениях.

(Кавелин.—„Собрание сочинений“, т. II, стр. 87).

Таким образом, между различными группами помещиков было не больше ладу в иных пунктах, чем между помещиками и крестьянами. Из борьбы и столкновений этих интересов и точек зрений вышло „Положение“ 19 февраля 1861 года.

Надо остановиться на этом законе, определившем на несколько десятилетий судьбы крестьянства и всего русского народного хозяйства.

Прежде всего, Положение 19 февраля твердо стоит на той точке зрения, что вся земля остается собственностью помещиков, которые, однако, обязаны выделить крестьянам за выкуп известные наделы. Главнейшими вопросами хозяйственного порядка при освобождении являлись вопросы о размерах наделов, которые получат крестьяне, о той цене, которую крестьяне за наделы заплатят, а также об условиях и способах выкупа. Мы увидим, что все эти вопросы были разрешены очень тяжело для крестьян.

Вопрос о безземельном освобождении крестьян, если и обсуждался перед реформой в дворянских кругах, к 1861 году серьезно уже не стоял. Обезземелить совсем крестьян было рискованно для многих южных помещиков, которые боялись остаться без рабочих рук, так как крестьяне покинули бы землю; оно было совсем невыгодно для помещиков северных, которым было необходимо продать землю крестьянам, чтобы покрыть свои убытки от отпуска крестьян на волю, и, наконец, его совершенно не могло допустить правительство: пролетаризация крестьян лишала его плательщиков налогов. Да, наконец, всем было ясно, что с волей без земли крестьяне ни в коем случае помириться не могут, и это будет грозить самыми тяжелыми потрясениями, а то и большой крестьянской революцией. Крестьянам необходимо было дать наделы.

Под наделом, который должен быть предоставлен крестьянину, понималась усадьба с двором и сельско-хозяйственные угодья, т.-е. пашня, луга, выгон. В отношении наделов за основное положение было принято, что крестьяне должны получить землю, которой они пользовались при крепостном праве. Это было сделано так, что путем опроса помещиков было выяснено для каждого района, сколько в среднем крестьяне пашут земли на себя, и эти размеры, значительно, впрочем, урезанные, были об‘явлены нормальным наделом в этом районе; если какие-нибудь крестьяне пахали на себя при крепостном праве больше этого количества, то помещик мог отрезать в свою пользу излишки или же обложить за них крестьян добавочной платой.

Вот как рассказывает член Редакционных Комиссий Семенов-Тянь-Шанский о борьбе, которая шла по вопросу о размерах наделов, и о том, к чему она привела:

Вопрос о нормах земельных наделов.

Нам предстоял вопрос первостепенной важности, а именно: какое количество земли из состава поместья должно быть закреплено в крестьянском пользовании. До учреждения Редакционных Комиссий вопрос этот разрешали в правительственных сферах тем, что признавали необходимым закрепить за крестьянами количество земли, достаточное для обеспечения их быта и отправления ими государственных и помещичьих повинностей. Переводя это количество в цифры десятин, губернские комитеты разрешали этот вопрос весьма различно, но все-таки большая часть дворян-помещиков, признавая неизбежным разделение между ними и крестьянами земель поместья, старались захватить в свою уже полную собственность львиную долю, соглашаясь отдать крестьянам только от 1 до 2 дес. на душу. Разумеется, члены Редакционных Комиссий... были великодушнее, но и они по большей части не шли дальше $2^1/_2$ дес. на душу, со включением усадеб.

Иначе смотрели на это дело представители министерства внутренних дел Милютин и Соловьев. В первых же заседаниях хозяйственного отделения они стали справедливо доказывать нам, что вопрос о размере нормального надела земли, необходимого для обеспечения крестьянского быта, поведет к бесконечным спорам и при трудности разрешения его однообразно для всей России вследствие разнообразия местных условий в разных частях государства, для правильного его разрешения потребовались бы многолетние кадастровые (по описи и оценке земли) работы, посему, по их мнению, из этого вопроса не было другого практического выхода, как принять за исходную точку существующие крестьянские наделы... После продолжительного обсуждения этого вопроса мы, соглашаясь на удержание за крестьянами существующих наделов, настаивали на том, чтобы во всяком случае наделы эти не превышали определенного особо для каждой местности России максимального (высшего) размера, а также на том, чтобы земли, превышающие этот размер, были признаны уже полной собственностью помещика.

С этим согласились все члены хозяйственного отделения, предвидя, однако, большие затруднения при определении установленных максимальных размеров наделов в 700 уездах России.

Затем возбужден был вопрос: не следует ли установить и низший размер надела для тех исключительных случаев, когда помещик вопреки обычному праву совсем или почти совсем не наделял крестьян землею, а держал их на положении безземельных батраков, не соблюдая даже письменного закона о трехдневной барщине. Эти случаи встречались нередко в мелкопоместных имениях, где дворянин-помещик иногда собственноручно занимался хлебопашеством. Мы единогласно решили установить везде низший размер надела в одну треть высшего, а если и такого размера крестьяне не имели, то помещик обязан был довести крестьянский надел до этого размера из земель своего поместья, не бывших в пользовании крестьян.

(Семенов-Тянь-Шанский.—„Мемуары“, т. III, гл. 10).

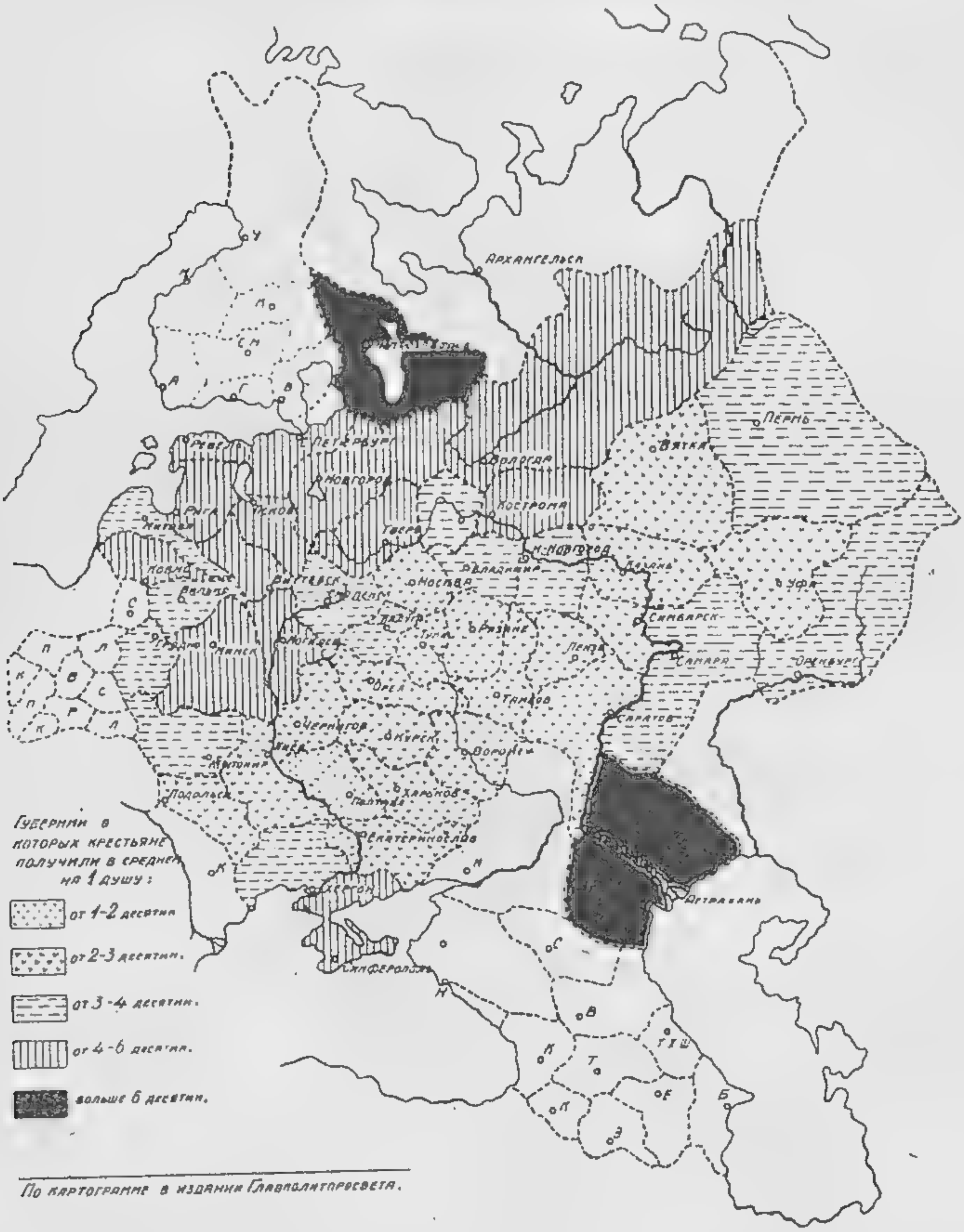
Нормальные наделы были установлены различные в разных полосах России и в разных уездах. Особенно низки они были в черноземной полосе (3—4½ дес. на мужскую душу в разных уездах), выше—в нечерноземной (3—8 дес. в среднем) и еще выше—в богатой землей степной полосе (6—12 дес.). Однако, помещик имел возможность дать и меньше, если крестьяне не пользовались раньше таким количеством земли. А помимо того, у него было право по добровольному соглашению с крестьянами вместо полного надела дать четвертной надел (т. е. ¼ нормального), но зато даром (дарственный надел) и в полную собственность. На эти дарственные наделы южные крестьяне охотно соглашались: их прельщала бесплатность, в то время как условия платежа за обычные наделы, как мы увидим, были очень тяжелы; они надеялись при этом на возможность приарендовать соседнюю землю. Потому в южных и восточных губерниях, где помещики особенно оберегали свою землю, дарственников оказалось много. Положение этих обезземеленных крестьян оказалось в дальнейшем очень тяжелым. Но была группа крепостных, которая и этого не получила—это бывшие дворовые, у которых не было наделов и которые потому земли не получили и оказались совершенно пролетаризованы.

Итак, крестьяне часто получали земли меньше, чем имели до 1861 года. Это могло быть в 3-х случаях: 1) Если в их распоряжении было больше установленного для данной местности нормального надела. В этом случае излишки отрезались в пользу помещика. 2) Если крестьяне соглашались на дарственный надел. 3) Если после наделения у помещика осталось бы меньше $^1/_3$ (а в степной полосе меньше $^1/_2$) его прежней земли. Тогда нормальные крестьянские наделы урезались в его пользу. Все эти отрезки очень уменьшили количество земли, попавшей в распоряжение крестьян, особенно там, где помещики дорожили землей; в нечерноземных губерниях крестьяне потеряли 4% земли, в черноземных—24%, а в некоторых отдельных губерниях отрезки были еще больше: так, в Самарской губернии было отрезано 44% крестьянской земли, в Саратовской—41%, в Полтавской и Екатеринославской — 40%. При этом, особенно велики были отрезки в крупных имениях; чем крупнее был владелец, тем обезземеление было сильнее. Только в западных губерниях, литовских и белорусских, где правительство в тамошних польских помещиках видело своих врагов, так как они противились политике обрусения, которую вело русское правительство, крестьяне получили 41% прирезки.

Итак, освобождение крестьян от крепостного права в значительной степени было и освобождением их от земли. Оценивая, насколько недостаточны были полученные крестьянами наделы, мы не должны еще упускать из виду технику земледелия. Наделы крестьян, может быть, и давали бы возможность им существовать, если бы техника обработки земли не была так плоха, а так как земля, как мы увидим, была передана не отдельным крестьянам, а всей крестьянской общине, которая в определенные сроки переделяла ее между своими членами, то крестьяне были лишены возможности улучшить обработку земли, не могли вводить более усовершенствованных форм хозяйства.

А кроме того, крестьяне получали и не ту землю, которая им была особенно нужна. Во многих местах помещики, пользуясь правом отрезков, оставляли себе такие необходимые крестьянам угодия, как выгон, водопой, проезд к полю или же отрезали себе лучшую качественно землю, оставляя крестьянам худшую, и очень уже обычно было, что крестьянская земля оказывалась разбросанной в разных участках, отделенных один от другого помещичьей землей и со всех сторон окруженных ею же, а сами участки находились вдали от деревни. Таким путем крестьянскому хозяйству

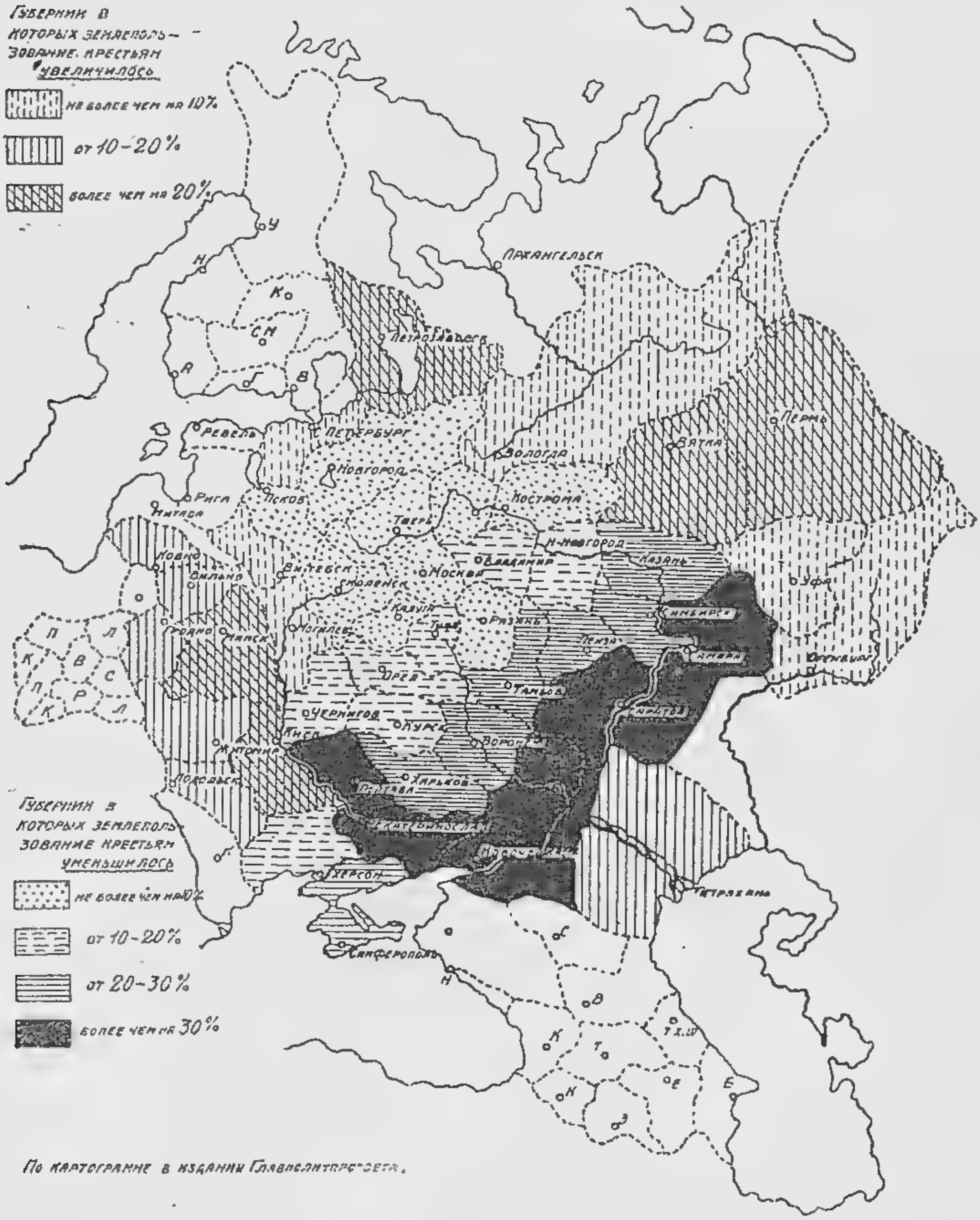
Наделы, полученные после отмены крепостного права помещичьими крестьянами.


Архангельск
Пермь
Вятка
Петербург
Вологда
Ревель
Новгород
Рига
Псков
Кострома
Митава
Тверь
Н.-Новгород
Ковно
Витебск
Владимир
Москва
Казань
Уфа
Вильно
Смоленск
Калуга
Рязань
Симбирск
Гродно
Минск
Могилев
Тула
Пенза
Самара
Оренбург
Орел
Тамбов
Саратов
Чернигов
Курск
Киев
Житомир
Воронеж
Подольск
Харьков
Полтава
Екатеринослав
Херсон
Симферополь
Астрахань
Губернии в которых крестьяне получили в среднем на 1 душу:
от 1-2 десятин
от 2-3 десятин.
от 3-4 десятин.
от 4-6 десятин.
больше 6 десятин.

По картограмме в издании Главполитпросвета.

наносился огромный вред, и оно должно было стать в полную зависимость от помещика. Вместо уничтоженной юридической зависимости крестьян от дворян (т.-е. зависимости на основании закона) от-

Карта изменений в землепользовании помещичьих крестьян в 1861 г. сравнительно с периодом до реформы.


Губернии в которых землепользование крестьян увеличилось
не более чем на 10%
от 10–20%
более чем на 20%
Губернии в которых землепользование крестьян уменьшилось
не более чем на 10%
от 10–20%
от 20–30%
более чем на 30%
Архангельск
Петрозаводск
Пермь
Вятка
Вологда
Петербург
Ревель
Новгород
Кострома
Рига
Митава
Псков
Тверь
Н-Новгород
Казань
Ковно
Вильно
Витебск
Москва
Владимир
Симбирск
Уфа
Смоленск
Калуга
Рязань
Гродно
Минск
Могилев
Тула
Пенза
Самара
Оренбург
Орел
Тамбов
Чернигов
Курск
Саратов
Киев
Воронеж
Житомир
Харьков
Полтава
Екатеринослав
Херсон
Астрахань
Симферополь

По картограмме в издании Главполитпросвета.

резки создавали другую,—экономическую зависимость.

На основании приводимых таблиц и карт (стр. 65, 66) выясните, в каких районах крестьяне получили больше и где меньше земли, а также и то, где особенно велики были отрезки.

Средние наделы крестьян в 1858 году.

	Север и Сев.-Вост.	Промышл. область.	Новоросс.	Среднее Поволжье.	Литва и Белоруссия.	Средне-черноз. губ.	Малороссия.
Десятин . . .	5,5	4,3	4,2	3,9	3,9	3,1	2,6

(По Огановскому.—„Надел. землей помещ. крестьян“, стр. 37).

Из каждых 100 душ получили земли в 1861 году.

	Меньше 1 дес.	1—3 дес.	3—5 дес.	Больше 5 дес.
	В процентах.			
Север	19	19	25	37
Промышлен. обл.	2	18	64	16
Средне-черноземн.	8	70	21	1
Новороссия	13	23	44	10
Западные губернии	1	45	39	15
Всего по 45 губ. Европ. России .	6	41	42	11

(Огановский.—„Надел. землей помещ. крестьян“, стр. 92).

Таким образом дворяне сохранили за собой даже больше земли, чем имели до 1861 года, но они обеспечили себе также и вознаграждение, за работу тех крепостных, которых они лишались. В сущности реформа 1861 года даже и не проводила освобождения крестьян, а лишь точно определяла их повинности в отношении помещиков. Было установлено, что за отведенную им землю крестьяне отбывают в пользу помещиков известные повинности. Первые два года крестьяне так и назывались „временно-обязанные“ и несли повинности в прежней форме, была ли она барщинная или оброчная; при барщине работа на помещика устанавливалась в 40 мужских и 30 женских дней в году, из которых $^3/_5$ должны отбываться летом. Через два года повинности обязательно переводились на деньги, которые в определенные сроки крестьяне уплачивают помещику. Как видим, здесь никакого освобождения нет. И только при добровольном соглашении крестьян с помещиками или по требованию самого помещика происходит выкуп крестьянами их наделов.

Размер выкупа за переданную крестьянам землю определялся правительством и соразмерялся с тем получал ли крестьянин нормальный надел или меньше и в какой полосе России лежала земля. Если сравнить продажные цены на землю в то время с теми суммами, которые крестьяне должны были уплатить за перешедшие к ним наделы, то получится следующая таблица (см. табл. на стр. 69).

Только в западных губерниях стоимость надела приблизительно соответствовала продажным ценам.

Стоимость всей надельной земли в миллионах рублей.

ГУБЕРНИИ.	По ценам 1854—1858 г.г.	По ценам 1863—1872 г.г.	Выкупная цена.
Нечерноземные	155	180	342
Черноземные	219	284	342
Западные	170	184	183

В губерниях черноземных крестьянам пришлось платить за землю гораздо дороже, чем она стоила, в нечерноземной же полосе они переплачивали почти вдвое сравнительно с ценами, стоявшими в 60-х годах. Это об'ясняется, конечно, тем, что фактически крестьяне оплачивали не только землю, которая мало интересовала, например, северных помещиков, но сюда в прикрытом виде включалось вознаграждение за потерю помещиками права на эксплоатацию труда самого крестьянина. Естественно, что особенно туго пришлось крестьянам нечерноземной полосы. Если черноземные помещики за освобождение крестьян вознаградили себя землей, то помещиков промышленных губерний крестьяне должны были неумеренно оплатить деньгами.

Выкуп крестьяне совершали при посредничестве государства. Государство уплачивает помещикам сразу процентными кредитными бумагами всю выкупную сумму; крестьяне же в течение 49 лет своими ежегодными взносами—выкупными платежами—должны погасить и ссуду и проценты по ней. Они должны были выплачивать эти выкупные платежи в размере 6 коп. с каждого рубля выкупной ссуды. Выкупные платежи тяжелым бременем ложились на крестьянское хозяйство вдобавок ко всем другим повинностям и податям, которые на нем лежали.

Но, может быть, крестьяне, поставленные в такое тяжелое материальное положение, по крайней мере были вознаграждены тем, что они стали с 1861 г. полноправными гражданами русского государства? Ответ будет отрицательным и тут. Конечно, положение крестьян значительно изменилось: помещики лишились права продавать их с землей и без земли, оптом и в розницу, делать их своими дворовыми слугами, наказывать и подчас засекать до смерти. Но одинаковыми с помещиками гражданами крестьяне не сделались. Крестьяне остались по-прежнему податным сословием, которое в противоположность другим сословиям платило налоги не с имущества, а с лица, с личного труда. Разница тут в том, что если налогом обложено имущество, то оно и служит для правительства обеспечением уплаты налога, при подушном же окладе приходилось искать другого обеспечения. Правительство нашло его в круговой поруке и в паспортной системе. Вся податная группа, к которой крестьянин принадлежал, т.-е. вся община отвечала за неплательщика. Поэтому крестьянин не мог свободно уйти с места, свободно выбрать занятие. На все это требовалось согласие общины, которая за него отвечала и потому имела над ним власть. Свобода освобожденных от крепостного права крестьян оказалась очень небольшой.

Крестьяне и в других отношениях были крепко связаны между собою. Крестьяне, жившие в одном селении, составляли сельское общество. Это была основная хозяйственная единица. Земля принадлежала сельскому обществу, которое ее разверстывало между отдельными дворами по числу душ и через определенные сроки производило переделы, принимая во внимание выбывшие и вновь появившиеся души в каждом дворе. Таким образом, крестьянин, хозяйничавший на наделе, не мог его продать, не мог завести улучшенных форм хозяйства. Правительство провело запрещение сделок с землей из боязни того, что многие крестьяне иначе распродадут землю и превратятся в пролетариев. Правительство предпочитало иметь дело с крепко сидящими на земле крестьянами, нежели с беспокойным пролетариатом. Подобные условия пользования надельной землей сильно мешали перейти к буржуазным формам хозяйства, которые требуют полной свободы распоряжения своим имуществом и его эксплоатации. Напротив, земля, которую стали прикупать отдельные крестьяне, давала полную возможность более правильно поставить хозяйство.

Подати также падали на все общество, и только оно было ответственно перед правительством за их уплату. Поэтому оно на сельском сходе и разверстывало падавшие на селение подати по семьям, принимая во внимание главным образом размеры надела каждой семьи.

На первый взгляд кажется, что крестьяне всем сельским обществом на сходе и через выбранного ими старосту могли сами заведывать всеми своими крестьянскими делами. Но это не совсем так. Сельские старосты, хоть и выбранные крестьянами, должны были прежде всего под страхом штрафов и наказаний исполнять все распоряжения полицейских властей и превратились в простых исполнителей приказов уездной полиции. Ни о каком самостоятельном ведении общественных дел в этих условиях не могло быть речи.

Если подвести итоги тому, что дала реформа 1861 г. крестьянам, то придется сказать так: земли, которой крестьяне так желали, они не получили, а в большинстве случаев у них еще отобрали часть земель, которые они издавна пахали на себя; платить им теперь пришлось значительно больше, чем прежде; настоящей, полной свободы распоряжаться собою они не получили. Не такой воли ждали крестьяне. Для них было несомненно, что вся земля должна перейти к ним, и не только та, которую они пахали на себя, но и барская, а помещикам уже царь должен платить „жалованье“; платить за землю, как за свою исконную собственность, они ничего не хотели. К воле же они стремились полной—такой же, какую имели дворяне. Ясное дело, что реформа не могла удовлетворить крестьян ни с какой стороны. Они не могли поверить, что это и есть долгожданная воля. „Настоящую волю утаили помещики“, „царь волю дал, а помещики украли“—вот какие пошли толки среди крестьян. И немудрено, что они не хотели принимать не настоящую волю. Они оказывали сопротивление чиновникам, которые приезжали вводить положение 19 февраля. Находились среди них люди, которые в отдельных строках „Положения“ ухитрялись вычитать настоящую волю и под их влиянием масса крестьян упорно стояла за царское слово и противилась введению не настоящей воли. Крестьянские протесты приходилось усмирять при помощи военной силы. В иных местах бывали десятки убитых и раненых. Волна больших крестьянских волнений прокатилась по всей России и „освободить“ крестьян оказалось возможным только насильно.

Как крестьяне приняли волю?

После воли.

О разочаровании крестьян свидетельствуют многие из лиц, об‘являвших волю и развозивших Положения. В Калужской губернии в отчетах наиболее вдумчивых и лучше понимавших настроение народа чиновников указывается, что крестьяне после чтения манифеста и указа были глубоко разочарованы в своих ожиданиях. Об‘явленная им воля совершенно не соответствовала той воле, которую они ожидали. Гр. Бутурлин говорит, что в Тарусском уезде, Калужской губ., чтение манифеста возбудило неодумение в крестьянах; раз они должны оставаться в полном повиновении у помещиков, то где же и в чем состоит их воля, спрашивали они у гр. Бутурлина. И в других местах Калужской губ. крестьяие расходились из церквей после чтения манифеста „по большей части молчаливые, нахмуренные, разочарованные, в каком-то недоумении. Многие молча возвращались к прерванным работам, другие обменивались недовольными и недоумевающими восклицаниями".

В Изюмском уезде, Харьковской губ., по наблюдению уездного предводителя дворянства, после чтения манифеста на лицах крестьян было заметно „полное недоумение и ясно говорившее, что мало кто что-нибудь понимал". Всеми, ездившими для об'явления манифеста, говорит он, „замечено было, что вообще крестьяне остались неудовлетворенными, они услышали не то, что ожидали, и у всех осталась смутная надежда, что будет что-нибудь другое, более для них приятное".

Уездный предводитель дворянства Бобринецкого уезда, Херсонской губ., вынес такое же впечатление. „Газеты, — пишет он, — безбожно лгут, говоря, будто крестьяне были в восторге: они разошлись из церквей с поникшими головами". „Манифесту никто не обрадовался" — записано в дневнике сельского приказчика Владимирской губ., от крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостными, да и шабаш, а льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову и занялся мыслями об оброке"...

(Из ст. Игнатович, И. И., в изд. „Великая реф.". Т. V, стр. 174).

III. Последствия реформы 1861 года.

Крестьянская реформа представляет из себя очень важный момент в русской истории. При всей ее робости и нежелании круто изменить взаимоотношения классов, она определила на целые десятилетия направление и развитие народного хозяйства и жизни государства.

Реформу проводили дворяне-помещики и провели ее так, что крестьянина она отдавала в их полное распоряжение. Сумело ли дворянство сохранить то, что отвоевало? Ответ на этот вопрос мы найдем в таблице изменения площади землевладения после 1861 г.

Изменение площади землевладения различных групп общества после крестьянской реформы.

В среднем за год площадь земли увеличивалась (+) или уменьшалась (—) на следующее количество десятин (в тысячах) по десятилетиям:

	Годы.				
	1863—1872	1873—1882	1883—1892	1893—1902	1903—1910
Дворяне	—600	—1000	— 800	—1000	—1000
Купцы	+344	+ 445	+ 218	+ 240	— 145
Крестьяне нечерноземн. губ.	+ 89	+ 233	+ 273	+ 249	+ 247
Крестьяне черноземных губ.	+ 66	+ 117	+ 281	+ 413	+ 684

(По диаграмме изд. Главполитпросвета).

Мы видим, что дворянское землевладение шло на убыль, помещики неуклонно распродавали свои земли; особенно так поступали мелкопоместные и среднепоместные помещики; крупные выживали лучше. Это об‘ясняется тем, что после реформы приходилось ставить хозяйство на новый, капиталистический лад. И это оказалось не так просто. Расчет на дешевые рабочие руки не вполне оправдался: крестьяне старались приарендовать себе земли или уходили в отхожий промысел. Кроме того, хозяйство помещика велось до сих пор инвентарем крестьян, у помещика не было достаточно лошадей, сох, телег и других орудий. Теперь приходилось всем обзаводиться. А между тем ни на наем рабочих, ни на покупку инвентаря, не говоря уже о машинах, не было оборотного капитала. Деньги, которые причитались помещикам в качестве выкупной ссуды, в значительной части в их руки и не попали; вспомним, что на помещичьих землях к 1861 г. лежало 425½ милл. рублей долгу, что 62% крепостных душ были заложены, и эти долги при производстве выкупа были, конечно, банками удержаны. Но и из денег, полученных помещиками, много ушло непроизводительно, благодаря их непривычке к экономной жизни. А иные помещики предпочитали вложить деньги в другие, более доходные предприятия, а не в сельское хозяйство. Главное же, может быть, то, что крестьяне так сбили цену на хлеб на рынке, что помещики, которым приходилось вкладывать деньги в хозяйство, не могли выдержать этой конкуренции. Поэтому-то земля и не получала нужных для постановки хозяйства капиталов. Если помещики и вели свое собственное хозяйство, то оно шло очень плохо, по старинке и не давало дохода. „После Положения,—пишет помещик Энгельгардт в своих записках,—прошло уже двенадцать лет, но система хозяйства осталась у большинства все та же. Сеют попрежнему рожь, на которую нет цен и которую никто не покупает, чуть у крестьян порядочный урожай,—овес, который у нас родится очень плохо, обрабатывают поля по-старому, нанимая крестьян с их лошадьми и орудиями; косят также плохие лужки, скот держат, как говорится, для навоза, кормят плохо и считают скот хорошо выдержанным, если коров по весне не приходится подымать“. Это были все те же старые порядки, которые, по словам Кавелина, „были еще пригодны, пока пашни делали хорошие урожаи без удобрения и существовал крепостной труд, но которые с истощением почвы и при вольнонаемном труде ведут к неизбежному разорению“.

Вполне понятно в этих условиях, что помещики предпочитали или продавать землю или, во всяком случае, не вести самостоятельного хозяйства.

И то и другое было вполне возможно. Земля была в цене, и при том стоимость ее быстро росла: в 1863—1867 г.г. десятина, в среднем, стоила 14,73 р., а в следующее пятилетие—20,44 р. Арендная плата поднялась за 20 лет в 2½—3½ раза, а кое-где даже в 8—10 раз. Рост цен об’ясняется усилившимся спросом на землю со стороны крестьян, которые и делались главными ее покупателями и арендаторами. Чтобы это стало вполне ясно, надо внимательнее остановиться на том, как стало складываться крестьянское хозяйство.

Два обстоятельства определяли положение крестьян. Первое—это недостаток земли, который остро почувствовался после реформы, не только урезавшей крестьянские наделы, но и оторвавшей их от поддержки со стороны помещиков. Другое—

это постоянная нехватка у крестьян денег в связи с быстрым ростом денежного хозяйства в стране.

По подсчетам исследователей, 27% крестьянского населения имели наделы недостаточные для существования, а если взять только бывших помещичьих крестьян, то даже большая половина их имела недостаточные наделы. Между тем, платежи и повинности крестьян очень увеличились и притом почти все были переведены на деньги. Платежи шли и государству, и бывшим помещикам, и сельскому обществу. Это была подушная подать, государственный земский сбор, местные земские сборы, сборы на обеспечение народного продовольствия и, наконец, выкупные платежи. Все эти платежи были настолько велики, что даже по правительственным данным выходило, что „общая сумма всех сборов и платежей, падавших на крестьян, в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз“. О том, как мало удовлетворяла потребности крестьян работа на их наделах, интересные данные собрала Новгородская земская управа.

Несоответствие крестьянских доходов и расходов.

Нормальный доход от земли, по оценке Новгородской управы, в этой губернии равнялся 2.680.000 руб. А между тем необходимо было крестьянам израсходовать на покупку недостающего хлеба около 3.000.000 руб. и на уплату налогов и сборов 3.278.000 руб. Чтобы покрыть эти расходы, крестьяне искали дополнительных заработков. Все заработки сельского населения в Новгородской губ. равнялись 8.855.000 руб. Если вычесть из этой суммы 6.278.000 руб., необходимых для закупки хлеба и уплаты налогов, оставался избыток в $2^1/_2$ миллиона рублей, т.-е. по 12 р. 65 к. на двор; из них крестьяне и покрывали все расходы хозяйства: покупку платья, обуви, орудий, соли и т. п.

(По отчетам Новгородской земской управы).

Такая же, как в Новгородской губернии, картина была и в южных губерниях, где платежи превосходили доходность земли на 75—200%.

Итак, крестьянину приходилось позаботиться о том, чтобы найти добавочные заработки не для увеличения своего благосостояния, а из нужды, чтобы прокормить и одеть семью и уплатить подати. А так как основа крестьянского хозяйства, особенно в хлебородных частях России, лежала в земле, то отсюда и возникает погоня за каждым лишним клочком земли, который мог бы дать лишний пуд хлеба. О повышении качества работы, о введении машин и усовершенствованного севооборота думать, конечно, не приходилось: для этого не было капитала — главной основы правильно поставленного хозяйства. Если урожайность земли к 70-м годам все-таки поднялась процентов на 25, то это было потому, что крестьянин, освобожденный от обработки барской земли, старательнее работал на своей. Но этим одним подправить хозяйство все же не удавалось. Надо было расширять запашку.

И крестьянин запахивал все, что мог, из своей земли, запахивал луга, лишая этим себя возможности держать зимою скотину, для которой не хватало корму. Он приарендовывал у соседа-помещика все, что было можно. В первую очередь барин сдавал ему в аренду отрезки, которые врезались в крестьянскую землю, лежали на дороге к полям, к выгону, примыкали к самой деревне, отделяя ее от крестьянских полей. Эти участки крестьянам необходимо было арендовать, без них житья не было. И пользуясь этим, помещик мог требовать за них очень большой оплаты в форме ли арендной платы, или из части урожая, или в виде отработков, т.-е., чтобы крестьяне убрали за это барину столько-то десятин его хлеба. Брали крестьяне в аренду и другие участки, не так вдававшиеся в их землю; арендную плату платили очень высокую, потому что на землю было много охотников, и напряженно работали на этой земле.

Особенно велика была нужда в земле среди крестьян-дарственников, и их помещик мог окрутить самыми невозможными условиями, как об этом рассказывает В. Н. Фигнер.

Аренда помещичьей земли.

Жители села Вязьмина и двух ближайших деревень—бывшие крепостные графа Нессельроде. Его сиятельство отпустил его на даровой, так называемый, нищенский надел, оставив за собой ни больше, ни меньше как 18.000 десятин земли. Как ни покажется странным, нищенский участок вязьминцев был еще обмерен на 25 десятин, как доказало межевание, произведенное летом 1878 г. Положение бывших крепостных его сиятельства было безвыходно в полном смысле слова; все они единогласно считали свое разорение с эпохи освобождения; не имея выгона, они находились в кабальной зависимости от землевладельца, так как с другой стороны их окружало 10.000 десятин земли другого помещика—Устинова. Арендная плата за землю, равнявшаяся в первые годы после освобождения 25 коп. за десятину, поднялась в 1878 г. до 8 рублей. Но на 1879 год управляющий графа поставил новое условие: сверх этой суммы за каждую десятину в поле крестьяне должны были вывести по пяти тесин или бревен, уж не помню хорошенько, за 60 или 70 верст от селений, почти с границы Кузнецкого участка. Крестьяне были в отчаянии: на такие условия они не могли согласиться, они были решительно сверх сил, и три сельские общества от земли отказались. До тех пор крестьяне, арендовавшие землю Нессельроде, снимали ее целыми участками, всем обществом, разверстывая ее потом между собою, и вносили плату за круговой порукой. Это обеспечивало исправность платежа помещику, а в данном случае делало сопротивление крестьян единодушным, крепким. Чтобы разбить это единство, управляющий стал предлагать землю отдельным лицам на условиях более льготных, чтобы, соблазнив одних, разбить упорство других. Конечно, склонить каждого порознь было легче, чем сговориться с миром. Наконец, два общества сдались, но крестьяне Вязьмина так и не взяли земли.

(В. Н. Фигнер.—„Запечатленный труд“, стр. 113).

В первое время после освобождения крестьяне преимущественно брали землю за отработки, обязывались за наем десятины запахать, засеять и убрать 1—1$^1/_2$—2 десятины помещичьей земли, а иногда еще и добавляли деньгами или натурой. Это было восстановление барщины, только в новом виде. Если перевести работу крестьян на деньги, то окажется, что плата была значительно выше средней арендной цены десятины. Если крестьяне берут землю из части урожая, то они обязуются, вложив свои семена и свой труд в помещичью землю, отдать владельцу земли половину, а то и еще большую часть урожая. К концу 60-х и в 70-е годы, как общее правило, натуральная аренда сменяется денежной. Наемные цены были очень высоки и быстро подымались из года в год; за десятилетие они повысились в разных районах в 3, 4 и даже 5 раз, а между тем цена на труд поднялась не больше, как в 1½—2 раза, а цена на хлеб и того меньше. Следовательно, от повышения земельных цен выиграли только землевладельцы, а чистая выручка крестьян от работы на чужой земле все понижалась. Ни один капиталист не вложил бы денег при этих условиях в аренду земли, так как доход с нее не оправдал бы ее обработки и арендной платы. А если крестьяне шли на это, то это было потому, что свой труд они не считали, смотрели на него, как на даровой, и были рады самому маленькому прибытку, который останется после уплаты аренды и покупки семян.

Эта тяга крестьянского хозяйства к обработке и чужих земель вдобавок к своим освобождала помещиков от необходимости вести собственное хозяйство, что их затрудняло, как мы видели, и по неуменью и по отсутствию капитала; высокие же арендные цены давали гораздо больше выгоды, чем вложение денег в самое сельскохозяйственное производство.

Что касается распродаваемой помещиками земли, то покупка ее была посильна, кроме купцов, из крестьян только одиночкам-кулакам, которые, как увидим, стали выделяться среди крестьян, или крестьянским товариществам, составлявшимся из сравнительно мощных хозяйств. Эти группы крестьян скупают значительную долю помещичьих земель, как это мы видели и на таблице.

Переход значительной части земли от помещиков к крестьянам или в аренду или в собственность мало повысил производительность труда, но зато вызвал большое увеличение выработки хлеба.

Можно ли по приводимой ниже таблице сделать вывод, что реформа 1861 г. повлияла на увеличение запашки?

Рост пашни.

	ГОДЫ.					
	1809	1832	1846	1860	1881	1887
Размеры запашки в миллионах десятин	73	75	84,7	88,8	106,7	117,2
Средний ежегодный прирост в тыс. дес.	517	606		293	998	1.750

(Огановский—„Очерки по ист. земельных отнош. в России“, стр. 416).

Этот лишний хлеб крестьяне вырабатывали не для себя, а в целях покрытия платежей в казну и других расходов, другими словами—на продажу. На рынке крестьянский хлеб стал вытеснять помещичий, и рынок должен был применяться к новому поставщику.

Вывоз хлеба стал быстро увеличиваться. Проследите, как изменялся вывоз хлеба и как менялись цены на хлеб.

Вывоз хлеба из России (средние годовые цифры).

ГОДЫ.	Количество пудов.	ГОДЫ.	Цены на пшеницу (за пуд).	
			Руб.	Коп.
1856—1860 . .	66.800.000	1871—1875	1	44
1861—1870 .	110.200.000	1876—1880	1	24
1871—1880 . .	243.200.000	1881—1885	1	18
1881—1890 . .	360.000.000	1886—1890	1	—
1891—1900 . .	442.660.000	1891—1895	—	81

(Большаков и Рожков.—„Ист. хозяйства в России“, вып. II).

Почему вывоз рос, а цены падали? Читайте дальше.

Этот вывозной хлеб—преимущественно крестьянский и совершенно иначе поступает на рынок. Прежде всего, крестьянину деньги были нужны осенью, к моменту уплаты повинностей, и он не имел возможности выжидать поднятия цен, а продавал только что снятый хлеб сразу, заполнял им рынок и сбивал цены. Он принужден был к тому же с осени продавать много хлеба, так как нуждался в деньгах, хотя бы ему и было ясно, что весной он должен будет снова покупать хлеб для собственного потребления по более высокой цене. Не имея возможности выжидать под‘ема цен, крестьянин не мог выбирать и более выгодного рынка. Помещик, бывало, отправлял хлеб на крестьянских лошадях в сопровождении крепостных к крупным потребительным центрам и продавал там хлеб по дорогой цене—свободный крестьянин должен был продавать хлеб на месте, так как зимнего пути он ждать не мог, а кроме того зимой он подрабатывал побочными заработками. Приходилось продавать хлеб на месте, на ближайшей пристани, на базаре.

Постройка железных дорог внесла новые изменения в хлебный рынок. При постройке железных дорог правительство руководилось преимущественно стремлением вовлечь в торговый оборот и связать с рынком земледельческие районы и чем дальше заходит сеть железных дорог в нетронутые, но хлебородные юго-восточные и восточные области, тем больше волжский и заволжский хлеб втягивается в оборот, границы тяготения к черноморским и азовским портам расширяются и тем в худшее положение конкуренция ставит старые черноземные районы, которые до тех пор одни давали свой хлеб на вывоз. Рынок расширился, торговля упростилась и вместе с железной дорогой появились рои мелких агентов, которые покупали хлеб у кого угодно. И когда помещик и крестьянин продавали этим агентам свой хлеб в равных условиях, то крестьянин легче продавал, так как он дешевле ценил свой труд на поле, чем помещику обходился труд наемных рабочих на его земле. Крестьянин сбивал цену на хлеб и сам получал очень малый барыш, подчиняясь условиям скупщиков. Мелкие скупщики и комиссионеры крупных торговцев, агенты, рыскавшие по всем станциям железных дорог и пристаням, держали в своих руках весь сельско-хозяйственный и хлебный рынок, определяли цены, давали задатки и этим кабалили крестьян.

В кабалу к скупщикам и кулакам крестьяне впрочем попадали и другими путями: без посредника, например, очень трудно было обойтись при аренде земли у помещика, так как денег на аренду не было. Или деньги приходилось взять у ростовщика за проценты, или же посредник арендовывал землю за деньги и от себя передавал ее крестьянину, чтобы осенью получить больше. Кредитная сделка ставила крестьянина в зависимость от местного „буржуя“.

Расслоению деревни способствовало и введение круговой поруки по уплате налогов и выкупных платежей. Более богатые крестьяне, те, которые сумели и в крепостное время сберечь деньги, расплачивались за маломощных членов общины и за то требовали от них работы на себя, пользовались их инвентарем. Да и вообще, поскольку крестьянину понадобились деньги, которые стали большой силой, всякий обладатель хотя бы и небольших свободных денег мог тысячами нитей запутать в свои сети нуждавшегося в этих деньгах.

Итак, положение пореформенного крестьянства определяется тем, что ему, в массе обезземеленному и задавленному платежами, приходится искать выходов в аренде помещичьей земли, а „каждая новая десятина земли, по выражению одного исследователя (Гвоздева), арендованная маломощным крестьянином в кредит, отличалась лишь одним качеством: превращать этого крестьянина в пролетария, прикрепленного к земле, т.-е. заставляла его переходить от более выгодных к более невыгодным тяжелым арендным сделкам, тем самым разоряя его все сильнее и сильнее. Опускаясь по ступеням хозяйственной несостоятельности все ниже и ниже, разоряющийся крестьянин попадает в конце концов в положение полной хозяйственной необеспеченности. Он—еще собственник, хозяин, но, несмотря на это, продолжать хозяйничать для него становится прямо невозможным“. И многие крестьяне кончают тем, что сдают свои наделы в аренду более зажиточным и многоземельным соседям. Эти последние—сельская буржуазия и купечество—сосредоточивают в своих руках землю, на которой строят уже при помощи капитала правильное хозяйство, учитывающее условия рынка и дающее регулярный доход. Кулаки, новая буржуазия, пользуясь окружающей крестьянской нуждой, забирают себе большую часть дворянских и крестьянских земель.

Крестьянам же, которых дорогая земля и ростовщический кредит разорили в конец, оказывается теперь более выгодным итти на сторонние промыслы. На этом приливе рабочих рук основывается развитие промышленности. Но этот рост русской промышленности стал замечаться не сразу после реформы, а только к концу 70-х годов а в некоторых отраслях и позже. В начале же после 1861 г. произошла даже некоторая заминка, особенно в тех отраслях промышленности, где до самой крестьянской реформы применялся еще крепостной труд.

Уральские чугуноплавильные и железоделательные заводы, как правительственные, так и частные, держались целиком на крепостной организации труда и при том в очень жесткой форме. Немедленно после 1861 г. рабочие массами стали бросать опостылевшую работу, за бесценок продавали усадьбы и уходили в другие губернии. С некоторых заводов ушло до $^3/_4$ всего рабочего населения. Так как край был мало заселен, то даже быстро поднявшаяся заработная плата не скоро привлекла новых рабочих. Уральские заводы стали оправляться только с конца 80-х годов. В первое же время некоторые заводы должны были совсем прекратить свое производство.

Производство чугуна на Урале (в тысячах пудов).

1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1865 г.	1867 г.
14.513	14.226	10.467	11.921	12.329	12.399

Отмена крепостного права сильно отразилась также на суконной промышленности. Суконные фабрики в большинстве принадлежали дворянам, которые применяли на них крепостной труд. Уже в 30-х и 40-х годах они не выдерживали конкуренции купеческих фабрик с вольным трудом и закрывались одна за другой. Реформа только нанесла последний удар, ускорила гибель этих фабрик, не сумевших во время приспособиться к новым условиям производства. Какие потрясения испытывало суконное производство, показывает таблица:

ГОДЫ.	Число фабрик.	Число рабочих.	Ежегодное производство (в тыс. руб.).
1860	432	94.721	26.204
1863	365	71.797	26.083

Другие отрасли промышленности пострадали меньше, так как меньше пользовались наемным трудом. Но во всяком случае заметного оживления не произошло ни в одной отрасли промышленности. Крупное производство развивалось медленно, применение паровых двигателей в производстве было слабо, технические усовершенствования, давно применявшиеся на Западе, у нас были неизвестны.

Это замедление в росте промышленности об‘ясняется рядом обстоятельств. Расчет фабрикантов на большой наплыв рабочих рук не оправдался. Крестьяне, связанные наделами и опутанные круговой порукой, оставались работать на земле, дополняя свой заработок кустарными промыслами по избам на севере и арендой помещичьих земель на юге, пока эта аренда не разорила их окончательно. К тому же крестьяне, задавленные податями, сокращали свои потребности до пределов возможного, старались обходиться своим и покупать поменьше. Следовательно, и емкость внутреннего рынка не увеличилась.

А кроме того, трудно было и вообще сразу перешагнуть из отсталых крепостных отношений в развитые капиталистические. Нужно было многое подготовить для роста промышленного капитализма, и в первую очередь промышленность нуждалась в паровом транспорте и в организованном денежном кредите. И мы, действительно, видим, что в первые десятилетия после реформы деньги вкладываются главным образом в постройку железных дорог и в организацию банков. В то время как железные дороги в 1861—1873 г.г. поглощают 62,6% всего капитала, а банки—20,2%, в промышленные предприятия вкладывается только 11,4%.

За этот период целыми десятками растут акционерные банки, общества взаимного кредита, городские общественные банки; обороты их ширятся, операции развиваются; денежное хозяйство окончательно утверждается и создает надежную основу для развития промышленности.

Другим важным условием промышленного развития было создание железнодорожной сети. До реформы постройка железных дорог шла медленно, и они не имели большого экономического значения. С падением крепостного права стала совершенно ясна необходимость создания хороших путей сообщения, чтобы вовлечь в торговый оборот и связать с рынками земледельческие районы. В расчете на эту роль железнодорожной сети и была намечена правительством постройка тех или других линий, именно „от Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы через Курск и низовья

Днепра до Феодосии, от Курска и Орла через Динабург до Либавы; таким образом непрерывным через 26 губерний железным путем соединяются взаимно 3 столицы, главные судоходные реки наши, сосредоточие хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях (Феодосия и Либава), почти весь год доступные, облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее“. Главные железнодорожные линии строились с тем расчетом, чтобы стягивать к центру хлеб хлебородных губерний или направлять его к морским портам, которые вели торговлю с заграницей. Насколько быстро росла после реформы сеть, выясните по следующей таблице:

Величина сети железных дорог в верстах.

Годы.		Годы.	
1860	1.491	1870	10.092
1862	3.201	1872	13.228
1864	3.358	1874	16.962
1866	4.248	1876	18.196
1868	6.465	1878	21.676

(По Блиоху.—„Финансы России XIX стол.“ III, стр. 179).

„Только после сооружения дорог, обслуживающих сбыт сельско-хозяйственных продуктов,—замечает Туган-Барановский, стали развиваться дороги, служащие нуждам других отраслей промышленности, но дороги, сооруженные в первоначальный период строительства, были почти все дорогами земледельческими“. Совершенно понятно, что в их работе перевозка хлеба занимала первое место.

В 1870 г. хлебные грузы составляли 27,5% всех перевозок, а в 1874 г. даже 41,1%; некоторые дороги почти исключительно возили хлеб: Орлово-Грязская — 83,6%, Ряжско - Моршанская — 88,9%. Легко представить себе, какое оживление создала постройка железных дорог на хлебном рынке в скупке, перевозке и торговле хлебом, как создавались новые центры торговли и как производители хлеба попадали в руки торгового капитала. Капиталист, скупавший хлеб у крестьян через мелких прасолов - комиссионеров и скупщиков и соединявший его в большие партии, торжествовал свои победы. И в то же время железные дороги, создавая капиталы, собирая к фабрикам необходимое им сырье и связывая страну, создавали условия, необходимые в будущем для мощного роста промышленности. Итак, развитие народного хозяйства после крестьянской реформы шло неуклонно, хотя и не стремительно, к господству буржуазии и к превращению России в буржуазное государство. В этом же направлении пошло и государство, которое, проводя буржуазные реформы, создавало условия жизни, более соответствовавшие новой экономике.

В 60-х годах был проведен ряд реформ: в 1863 г. новый университетский устав, в 1864 г.—судебная и земская реформы, в 1865 г.—облегчение цензуры, в 1870 г. — введение городского самоуправления и позже, в 1874 г.—всеобщая воинская повинность. Связь этих реформ с отменой крепостного права была ясна еще до 1881 г.: „Все сколько-нибудь значительные внутренние преобразования России без из‘ятия,—писал Кавелин в 1855 г.,—так неразрывно связаны с упразднением крепостного права, что одно невозможно без другого. Так, например, преобразование рекрутского устава невозможно потому, что оно повело бы к уничтожению крепостного права. Невозможно распространение просвещения на низшие классы, преобразование судоустройства и судопроизводства уголовного и гражданского, полиции и вообще администрации и теперешней цензуры, потому что все эти преобразования прямо или косвенно повели бы к ослаблению крепостного права“. Крепостное право задерживало все эти реформы; наоборот, отмена его толкала на них.

Теперь, когда государство стало выходить на новый путь, общий всем капиталистическим державам, ему понадобилось правильно-поставленное войско, которое успешно охраняло бы интересы капитала, понадобились хорошие больницы, школы, шоссейные дороги, вообще порядок в местном хозяйстве, который обеспечивал бы нормальное экономическое и культурное развитие. Необходимо было создать возможность легко, без особых хлопот и проволочек заключить торговую сделку, дать защиту закона против всяких злоупотреблений и т. п. В этом была заинтересована и буржуазия и помещики, которые все больше делались купцами. Реформы 60-х годов пошли навстречу этим потребностям.

Задачей судебной реформы было покончить с тем прежним строем, где все держалось на взяточничестве и волоките, где через канцелярии под покровом тайны проходили бумажки, на них накладывались резолюции, и этим решались судебные дела. Новый суд провозглашал принцип гласности, т.-е. возможности контроля над судом, он вводил состязательный процесс в судопроизводство, т.-е. давал возможность представлять доказательства, свидетелей, выставлять защитников, тут же на суде опровергать во всеуслышание возводимые обвинения. Этих возможностей старый суд не давал. Вводился суд присяжных, привлечение к постановке приговоров представителей общественного мнения. Об‘являлась несменяемость судей, чтобы дать им возможность действовать независимо от воли властей. Таковы были принципы. Они не были, конечно, проведены в полной чистоте: не было покончено с сословным судом, так как мировые судьи избирались из дворян; не так трудно было обойти и несменяемость судей; ряд дел, наиболее рискованных для власти, был из‘ят из ведения суда присяжных и т. п. Но провозглашение либеральных принципов было важно уже само по себе и выводило Россию на пути, по которым шло развитие западно-европейских государств.

Не менее важно было введение земского и городского самоуправления—предоставление выборным от местного населения права руководить делами местного хозяйства и благоустройства, для чего те или иные группы населения в уездах или в городах избирали гласных, т.-е. членов городских дум или земских собраний. А они избирали, как свои исполнительные органы, городские и земские управы, которые под контролем собраний, избравших их, заведывали школами, дорогами, больницами, страховым делом в данном городе, уезде или губернии. До того времени этим ведала местная администрация, назначенная правительством или, лучше сказать, не ведал никто, так как к нуждам населения никакого внимания не проявлялось. Правда, новые учреждения были классовые, давали значительный перевес в земствах дворянам, а в думах—городской буржуазии. Правда и то, что они работали под контролем правительственной администрации в лице губернаторов и градоначальников, а также были очень стеснены в своих денежных делах. Но эти учреждения дали возможность городской буржуазии, среднему дворянству и либеральной интеллигенции сорганизоваться, дали привычку к совместной общественной работе. Позже, именно земские учреждения явились ячейками, из которых выходили протест против реакционной политики правительства и требования завершить буржуазные реформы учреждением Государственной Думы.

Из других реформ времени Александра II особенно важна была военная, которая сводилась к отмене старой рекрутчины с ее 25-летним сроком службы и к замене ее всеобщей воинской повинностью с зачислением в запас на случай войны всех, отслуживших свой срок в армии. Эта реформа вводила в военное дело те же начала, которые были приняты в других буржуазных государствах.

Итак, если крестьянская реформа была продуктом развивающегося капитализма, то она в свою очередь направляла и народное хозяйство и государственный строй дальше по тому же пути. Россия становилась страной крупной промышленности, и господствующие классы—дворянство и крупная буржуазия — толкали ее по пути буржуазно-демократического развития, какой проходили все западно - европейские капиталистические государства.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.
Предисловие 3
Вопросы 7
I. Предпосылки реформы 11
II. Реформа 1861 года 47
III. Последствия реформы 1861 г. 74

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Гостиный Двор (внутри), 123—125. Тел. 553-92.

РАБОТЫ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ НА ОСНОВАХ ДАЛТОН-ПЛАНА. („Задания“ по истории классовой борьбы и др.). Сборник статей под ред. **К. В. Сивкова**. Цена 70 к.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ:

1. „Статьи сборника дают очень **ценный** материал“...

   („*Просвещение Сибири*, № 1, 1926 г.).

2. „Сборник **весьма ценен и нужен** нашему массовому учителю, в особенности еще не приступившему к проведению занятий по новой системе“...

   („*Вопросы Просвещения*“. (Ростов н/Д.), № 2, 1926 г.).

3. „**Интересная и живая** по своему методическому опыту книжка“...

   („*Путь Просвещенца*“. (Шадринск), № 8—9, 1925 г.).

4. „Авторы сборника имели в виду на **совершенно конкретном материале** показать, как в условиях нашей школьной действительности может быть применим Далтон-План“...

   („*Вопросы Просвещения*“. (Тверь), № 1—2, 1925 г.).

5. „Сборник представляет ценность именно своим **конкретным** материалом, столь необходимым, чтобы строить школьную работу“...

   („*Радянська школа*“, № 1, 1925 г.).

Цена 70 коп.

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Гостиный Двор (внутри), 123—125. Тел. 553-92.

В. Х. КИЛЬПАТРИК. МЕТОД ПРОЕКТОВ. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Перевод с англ. **Е. Н. Янжул.** С предисловием **Н. В. Чехова.** Ц. 20 коп.

1. „С книжкой проф. Кильпатрика **необходимо ознакомиться** каждому педагогу, тем более, что „метод проектов“ может иметь, как одна из форм сочетания комплексной системы с методом заданий (Н. К. Крупская), и в наших школах самое широкое применение“.

(„*Путь школы*“, № 2, 1925 г.).

2. „Небольшая книжка, которую **непременно должен прочесть** каждый учитель, т. к. метод проектов, на ряду с другими новейшими методами, широко распространяется и в ближайшем времени займет, пожалуй, весьма видное место в практике нашей школы“.

(„*Северо-Кавказский Край*“, № 8, 1925 г.).

3. Институт методов школьной работы **рекомендует** брошюру Кильпатрика для чтения учителю школ I ступени под рубрикой — **„Что читать по программам ГУС‘а“.**

(„*На путях к новой школе*“, № 1, 1925 г.).

Е. Н. ЯНЖУЛ. ПРАКТИКА МЕТОДА ПРОЕКТОВ В АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛАХ. Со статьей **Н. В. Чехова.** „Значение метода проектов для русской школы“. Цена 65 к.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ:

1. „Книга является **лучшей**, наиболее **ярко** дающей представление о методе проектов, из всей имеющейся в настоящее время литературы на русск. яз. по этому вопросу“.

(„*Уральский Учитель*“, № 7—8, 1925 г.).